

Юмор
летит

Короткие

Смешные

Рассказы

© пензи

2

**Дарья Татарчук
Раиса Снапковская
Эдуард Нейбург
Любовь Федоровна Шубная
Андрей Макаров
Николай Юрьевич Виноградов
Светлана Беляева
Игорь Кошечев**

**Короткие смешные
рассказы о жизни 2**

Серия «Юмор лечит», книга 2

*doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64353987
Короткие смешные рассказы о жизни 2:*

Аннотация

Жизненные веселые истории о людях, дружбе, курьезах, что случаются время от времени с каждым, об ушедшей эпохе, семейных ценностях и человеческом счастье.

Содержание

Раиса Снапковская	5
Николай Виноградов	13
Светлана Беляева	27
Раиса Снапковская	33
Любовь Шубная	40
Андрей Макаров	46
Николай Виноградов	53
Николай Виноградов	61
Игорь Кощев	82
Дарья Татарчук	96
Эдуард Нейбург	101
Об авторах	111

Короткие смешные рассказы о жизни 2

Сборник

В рамках проекта «Юмор лечит»

Выпуск 2

Авторы: Раиса Снапковская, Николай Виноградов, Светлана Беляева, Любовь Шубная, Андрей Макаров, Игорь Кошечев, Дарья Татарчук, Эдуард Нейбург

Редактор Дина Рубанёнок

Издательство Крафтовая литература

Год 2021

* * *

Раиса Снапковская

Пароль – «Мама»

Как всегда, засиделись, вернее заговорились с подружкой допоздна. Часы показывали 23.00.

– Провожу тебя немного, – предложила подружка, и я обрадовалась: пока идем до половины пути к моему дому, можно пообщаться еще несколько минут.

Вышли во двор. Было светло, потому что июнь и потому что ночи в это время года светлые.

У соседнего дома копошились люди, слышалась какая-то возня. Парень поддерживал тоненькую девушку, помогая ей влезть на огромный, толстый тополь. В руке у девушки – длинная веревка.

Мы невольно притормозили. Навстречу шли три парня с гитарой, они тоже остановились, не поняв, что происходит.

– Такая девушка красивая! Зачем веревка? Неужели жизнь надоела? – весело поинтересовался один из ребят.

– Вовка, вот они нам и помогут! – обрадовалась девушка, спрыгивая на землю.

Парни опешили.

– Ребята! Надо веревку завязать повыше. Понимаете, у мамы завтра день рождения!

Парни не понимали.

– Маринка, погоди, – остановил напарник. – У нашей мамы завтра день рождения. Она утром здесь на работу пойдет – а тут поздравление висит! С фотографией. Понимаете?

– Так бы и сказали, что у мамы. Пацаны, давай!

Они дружно оттеснили девушку, взяли у нее веревку, прикинули, как лучше залезть и повыше привязать.

– Хулиганничаете? – раздалось с балкона третьего этажа. – Ну-ка отседа! Милицию вызову!

– Тетенька, помолчите. Не хулиганим мы вовсе, – негромко ответили снизу.

На крик с балкона распахнулось окно на первом этаже, появилась бритая голова и голый торс крепкого и крепко поддатого амбала.

– Чего тут? – свирепо спросил он. – Как выйду щ-щ-а-а!!!

– Дяденька, пожалуйста, тише, – попросила девушка.

– Мужик, не кричи. Мы поздравление повесим и сразу уйдем. У мамы день рождения, – поддержал один из парней.

– У мамы? – переспросил амбал. – Тогда другое дело. Помочь?

Вскоре он стоял рядом в экзотических шортах с зелеными пальмами и красными обезьянами, в утепленных зимних ботах «прощай молодость». На довольно внушительном бицепсе красовался наколотый якорь.

Посмотрел вверх, зычно крикнул в открытое окно своей квартиры:

– Пуся! Пу-ся! Стремянку тащи! Мухой! Из кладовки.

Лысый решил лезть сам, да никто и не был против. Он повесил на шею веревку, приказал парням поддерживать стремянку, не торопясь взобрался на верхнюю ступень, и тут его осветили фары въехавшего во двор милицейского уазика.

– Ага, попались! Так вам и надо. Арестуйте их! – крикнула тетка с третьего этажа.

Из машины вышли два милиционера.

– Нарушаем? – спросил толстый и низкий, наверное главный. – Расходимся, товарищи! Давай вниз, – махнул лысому в шортах.

– Гражданин начальник, а че мы делаем-то? – возмутился тот. – У её мамы день рождения. И все.

– Разрешение есть? Не понял, – удивился милиционер.

– Какое разрешение? Мама у них завтра именинница!

Толстый подумал, посмотрел вокруг.

– У мамы, говоришь?

– Ну да, у мамы.

Объяснила девушка все, с самого начала.

Милиционеры внимательно выслушали, и главный махнул лысому снова:

– Слазь! – потом огляделся еще раз и уточнил у девушки: – Мама из какого окна будет сюда смотреть?

– Она не будет из окна, она на работу пойдет утром. По тротуару, – пояснила та.

– Так... так... так... На работу... По тротуару. На дереве ветки мешают, плохо видно... Значит, так! Будем привязы-

вать не здесь! Надо над дорогой, виднее будет. Правильно я говорю?

– Да, конечно. Над дорогой оно лучше, оно виднее, – согласились сразу все. – Только как?

– Будем думать.

– Нечего думать! – раздалось с третьего этажа. – Привязать за балкон Спицыных, а потом через тротуар протянуть и за мой.

– За ваш, гражданка, высоко. Вы на третьем. Надо за второй, чтоб и видно было, и проходим не мешало, – не согласились милиционеры.

– Так я сбегая на второй? Они, правда, спят... наверное. Но ничего, разбудим, поднимем. У мамы ведь день рождения.

Амбал тем временем сполз со стремянки и уже прикидывал, достать ли с нее до балкона. Получалось, не достать. Тогда он засунул в рот два пальца и оглушительно свистнул, потом крикнул на весь двор:

– Саня!!! Са-нек! Выйди!

Подождал немного и заорал уже во весь голос:

– Саня! (пи-пи-пи...) блин! Тебя или нет зову??? (пи-пи-пи...)

– Ты давай поаккуратней, а то проедем сейчас за нарушение и непристойные выражения, – сказал главный милиционер.

– Что проедем-то сразу? Санек – он по-другому долго бу-

дет понимать, не услышит даже, – огрызнулся амбал. – У самого ведь тоже мамка есть, припугиваешь тута...

На балконе второго этажа появился заспанный дядька в семейных трусах, похоже только что из кровати, и, увидев внизу парней и милицию, немного растерялся.

– Ты это, Санек, лови веревку и вяжи покрепче, – распорядился лысый. – Давай-давай. Пошевеливайся! У мамы день рождения, милиция разрешает, да? – обернулся к уазику.

– Да, разрешаем. Гражданин, и вы разрешите за перила вашего балкона привязать веревку? – попросил главный милиционер.

Гражданин молча закивал, поймал на лету конец веревки и быстро привязал его к стойке.

– Свободен. Спать иди! – разрешил амбал.

– А это... – не уходил Санек, – не понял я... а мама-то где?

– Мама будет утром. Спокойной ночи! – сказал лысый.

Из подъезда вышла тетка, которая вызвала милицию и давала советы с третьего этажа.

– Товарищ дорогой, уважаемый милиционер! Сейчас Илюха выйдет. Он на работу одевается. В ночную ему.

– Какой еще Илюха? – не понял никто.

– Дак Илюха-то, сосед мой он, подо мной живет. На работу ему, говорю, в ночь.

– Ну и что?

– Не понимаете, чо ли? Его балкон вот. Туда надо вязать второй-то конец веревки, – пояснила тетка.

Появился ничего не понимающий Илюха с тормозком в руке.

– У мамы, у еёной, – лысый кивнул на девчонку, – день рожденья. Дуй обратно, на балкон. Вяжи веревку. Срочно! Милиция «за»! Да?

– Да! – сказал главный.

– Если у мамы, то конечно. Но мне на работу, на автобус опоздаю, – забеспокоился Илюха. – А мама-то где? Ничего не понял.

– Мама завтра пойдет на работу. Утром. Здесь. Под твоим балконом, – объяснил милиционер. – Здесь, под твоим балконом, будет висеть ей поздравление. С днем рождения. Маме! Понятно?

– Маме. Здесь. Понял. Но мне на автобус.

– Иди вяжи, твою... Не разговаривай тут! – заорал амбал. – На работу милиция доставит. Им все равно, куда ехать.

– Подвезем, конечно, – согласились милиционеры. – А ты опять? С нами хочешь прокатиться?

Лысый притих. Илюха побежал в подъезд, быстро появился на балконе, поймал брошенную веревку, привязал за перила.

Над тротуаром раскрутился рулон баннера. С фотографии улыбалась молодая красивая женщина с распущенными волосами. Ниже яркие буквы «С днем рожденья, мама!» и вокруг по всему полю белые ромашки.

Все замолчали, разглядывая баннер. Потом взглянули на

девушку с парнем.

– Молодцы! – сказал лысый, забирая стремянку. – Я, это, спать еще долго не буду, посторожу, чтоб не оборвали. Если что – выйду, мало не покажется!

– И я тоже, – встряла тетка с третьего этажа, – у меня вообще по ночам бессонница.

– И мы ночью проедем, проверим, – пообещали милиционеры.

– Спасибо вам всем. Большое спасибо, – поблагодарила девушка.

– Да ладно, какие могут быть благодарности, – перебил лысый. – День рождения же. У мамы. О чем речь? – обернулся к соседнему дому: – Илюха! Бегом! Менты... блин... милиция ждет!

– Ты опять? – перебил главный.

– Ой, да ладно. Ради мамы же все. У самого тоже такая же мама есть.

– Да, пора и нам, – улыбнулись милиционеры.

Девушка с парнем уехали на черной машине. Мелькнул синим огоньком на крыше милицейский уазик, разошлись тетка и парни.

Был июнь. Было не темно, потому что ночи в июне светлые.

Над тротуаром висел огромный красочный баннер, где-то спала замечательная, красивая и счастливая мама, вырастившая прекрасных детей.

С днем рождения, мама!

Николай Виноградов

Загрёба

В цеху по производству приемников нас, радиорегулированных, было всего шесть человек. Бригада сложилась дружная и, как говорится, спетая и спитая. Мужики разного возраста частенько культурненько обмывали премии после работы в ближайшем лесопарке. И был среди нас самый зрелый и умудренный опытом жизни – маленький, полненький, уже плешивенький мужичок за пятьдесят, Борис Федорович, по псевдониму Загрёба. Еще задолго до моего появления в этом цеху он с гордостью носил это погоняло. Получил его заслуженно, за сидящую в крови привычку уносить с завода домой что-нибудь общегосударственное, считая это собственным. С девизом «Не пойманный – не вор!» каждый день, пряча себе в трусы какие-нибудь радиодетали, винтики с гаечками и прочее, он любил приговаривать: «Не можешь – не воруй! Воруй – не попадайся!»

– Молодые вы еще, жизни не нюхивали, а потому и дураки набитые! Придет, например, к тебе сосед, шуруп какой попросить, а у тебя, хозяина хренова, даже гвоздя гнutoго нет, – читал он нам свои наставления во время очередных пьянок на природе.

– Что, у меня квартира-то складом крепежа для соседей

должна быть, по-твоему? – отвечал кто-нибудь, явно ставя под сомнение авторитет старшего по возрасту.

– У хорошего хозяина в квартире все должно быть: от гвоздя до логарифмической линейки. Бестолочь! Каждую ржавую шайбу, что на дороге валяется, надо подбирать и в дом нести – рано или поздно придет и в ней нужда, – продолжал гнуть свое учитель и наставник. – А с завода домой ничего не принести – вообще грех великий! Все везде колхозное, а значит, все мое! – убеждал он нас, набив полный рот закусью. – У меня жена на мясокомбинате пятнадцать лет в колбасном цеху работает. У них там тоже на проходных шмонают, но она каждый день в лифчике по кило фаршу, да еще и в трусах по паре кило колбасы протаскивает. Свеженькая! Не та синюшная, что вы по два двадцать в очереди в драку-собаку берете, которая за неделю пять раз в магазине замораживалась и шесть раз оттаивала в антисанитарных условиях.

– Ничего себе, свеженькая! Представляю размер трусов и лифчика у твоей жены. Е-мое, уж не этой ли свеженькой мы сейчас закусываем? А? Загреба? Ты что, отравить всех нас хочешь? – возмущался наш коллега, главный спорщик Сергей.

– Дурында ты, а еще интеллигента из себя корчишь! Она ж моется после этого несколько раз, варится в кипятке, а потом еще и на сковородке жарится. Гляди-ка ты на него, морду от докторской воротит! – всерьез обижался Загреба. – Го-

лодным, видать, никогда не бывал. Не хочешь – вон, сбегай, купи себе ливерной, если денег хватит.

– Да я лучше вот этим лопухом сейчас занюхну. Оба вы с женой – две Загребы!

Но в остальном наш коллега как мужик, как работник и как товарищ был вполне нормальным. Во всяком случае, вполне удовлетворял всем требованиям члена бригады. Никогда не возмущался, если была необходимость поработать сверхурочно, не лизал задницу начальству, всегда отзывался на помощь, когда был востребован его опыт регулировщика. Ну несун, да! Есть такой грех. Но ведь помаленьку ворует, а не охапками. Мы даже иногда помогали ему протаскивать через проходную что-то объемное, выпячивающееся из-под его одежды. Завод считался военным, выпускал высокоточные резисторы, какие-то секретные приборы и еще что-то, поэтому охранники на проходных могли тщательно обыскать любого работника. Обычно ощупывали выборочно, через одного или по фейсконтролю, когда чье-то хитромордастое лицо не внушало доверия охраннику. Кто-нибудь из наших шел впереди и отвлекал внимание охранника.

Обычно эту роль брал на себя нагловатый по характеру, тот самый великий спорщик Серега, по псевдониму Сырожа. Он вылуплял свое гневное выражение лица на охранника и орал: «Ну че? Харя моя не нравится? Обшмонать хочешь? Ну на! На, шмонай!» – Серега усердно выворачивал свои пустые карманы и расстегивал пуговицы на одежде. Охранник

махал на него рукой, показывая знак проходить. Пока ошарашенный секьюрити очухивался и приходил в себя от такой наглости, через вертушку успевали проскочить четыре-пять заводских работяг.

Ташил Загреба все подряд, чего у него еще не было в квартире. В те пару дней за месяц, когда не было совершенно ничего нового и более-менее ценного, он чувствовал себя обиженным на судьбу, считая эти дни без толку пролетевшими мимо жизни.

В обед он обычно уходил на разведку по чужим цехам, проводя рекогносцировку, замечая, что и где плохо лежит. Воспитывать в духе строителя коммунизма его было уже поздно, хотя такие попытки с нашей стороны предпринимались довольно часто.

В один из таких горестных дней после хождения на разведку в цех гальваники он сообщил нам о химическом чуде – какой-то концентрированной кислоте.

– Представляете, горе-то какое! Уборщица, девчушка еще совсем, решила унитазы в туалетах от желтизны этой кислотой отчистить. Почерпнула из гальванической ванны полведра, притащила на второй этаж к своим туалетам и только было собралась работать, как дно у ведра бац – и отвалилось, – возбужденно, заговорщицким тоном рассказывал Борис Федорович, пылко оглаживая свою плешку. – Все ляжки себе молодые испортила, в больницу увезли, бедную. Все теперь, аля-улю! Кто ее с такими ляжками замуж-то возьмет?

Загреба не мог успокоиться после этого случая. Все строил планы, как добыть и вынести этой кислоты условно честным способом, рассекречивая нам свои планы на предмет их совместного обсуждения для поиска наименьшего риска.

– Ты что, совсем больной на голову стал? На кой тебе дома эта гадость? Только ее у тебя для полного счастья не хватает! – стали мы выговаривать ему свой протест. – Давай кончай-ка ты с этим делом, по-дружески предупреждаем! А может, ты преступление какое готовишь? – больше всех расплялся Серега, имеющий хорошую практику вылуплять глаза на своих оппонентов. – Может, ты своему вредному соседу, который каждый день шурупы у тебя просит, в морду хочешь этой отравой плеснуть? – выдумывал и приписывал он Загребе для разнообразия жуткие варианты преступлений. – Может, ты притворяешься тут перед нами хорошеньким-то, а сам террорист поганый? Давайте, мужики, сдадим его охране! Пусть в тюрьме посидит годика три. Может, одумается.

– Ты что, Сырожа? Как ты мог обо мне так плохо подумать? Мы ж с тобой больше пяти лет знакомы! – испуганно лепетал в ответ пузатенький мужичок. – Понял я все! Действительно, зачем мне эта гадость?

Сказать-то он сказал, да только никто ему уже не верил. И решили мы проучить Загребу, чтоб на всю оставшуюся жизнь отбить у него эту пагубную страсть. Идея была моя, но как разыграть Загребу, чтобы у него не было ни тени сомнения? Это мог сделать только наш артист Сырожа. Ему все

верили, хотя он уже по сто раз обманывал каждого из нас, глядя прямо в глаза с таким выражением лица, что никто не смог бы даже усомниться в его искренности. Умение красиво и правдиво врать – это талант, который он выработал за время жизни, постоянно тренируясь на своих друзьях.

– Слышь, Загреба, у тебя резиновой перчатки нет случайно? – подкатил как-то однажды к несуну Серега.

– Есть вроде, сейчас посмотрю! А тебе зачем? – сразу забегали глазенки у загребущего колобка.

– Да вот, клея надо налить! – как бы нехотя, с задумчивостью на лице, проговорил артист. – Кореш один, слесарь с пластавтоматов, посоветовал кухонную табуретку ихним клеем склеить, а то у меня вся расшаталась.

– Что, такой хороший клей? – хитро улыбаясь, начал выпытывать у него подробности плешивый метр с кепкой.

– Ты че, все клеит! Пятнадцать минут – и готово! Намертво! Даже железяки клеит, – понесло Серегу вживаться в роль. – Рассказывал, что кто-то у них губки тисков этим клеем намазал и закрутил. Все, кабздец, тиски в металлолом выкинули, разжать не смогли, – правдиво врал он сивым мерином. – А еще, говорит, позавчера у них два лома нечаянно крест-накрест намертво склеились.

– Как это – нечаянно? – аж пританцовывая на месте от любопытства, спрашивал Загреба.

– Да вот, кто-то там лом на пол бросил, а на него пару капель этого клея пролилось. Потом сверху второй лом

шваркнули, – с серьезной миной сочинял мастер фантастических сюжетов по ходу пьесы. – На следующее утро пришли, а ломы так буквой «х» склеились, что кувалдами полчаса со всей дури целым персоналом колдыбашили. Все ломы буквой «зю» изогнули, а разбить не смогли. Автогеном пришлось.

– Эх, ай-яй! Классно! – восхищался доверчивый воришка. – Слышь, Сыроженька, у меня тоже дома все табуретки расшатались. И столы со шкафами – все ходуном что-то ходить стало, – заискивающе улыбался он, предвкушая возможность получить очередной кусочек счастья. – А не мог бы он и мне маленько отлить? Литра два-три хотя бы?

– Ха! Куда тебе столько? На две жизни хватит! – добродушно засмеялся артист, почувствовав, что сыгранная роль почти удалась. – Его на табуретку надо-то всего со спичечную головку. Не-е, стока не даст! Ты че каким беззастенчивым стал?

– Ну ладно, ладно, сколько даст, че уж тут! На вот тебе две перчатки! Я вынесу, а потом отолю тебе сколько надо. У меня дома как раз пузырек из-под валидола пустой валяется.

– Ага, лады! А как выносить будешь? – активно интересовался подробностями Серега для детального планирования будущей авантюры.

– На этот счет можешь не беспокоиться! У меня на всех трусах с внутренней стороны карманы имеются – жена нашила. Главное, надо через проходнушку в самый час пик ид-

ти, когда вся толпа ломиться будет. Они в это время меньше шмонают. Ты впереди, я за тобой, как всегда, – быстренько набросал стратегию и тактику опытный мошенник. – Надо же – пятнадцать минут! Ломы склеивает! Вот это клей!

Была уже середина осени, почти каждый день шли дожди. Мы поменялись с Серегой зонтами, я отдал ему свой, с острым наконечником. В проходной, как всегда, была толкучка – задние напирали трудовыми мозолями на передних, те упирались животами в застопоренную вахтером вертушку. Серега улучил момент и как бы ненароком ткнул Загребу прямо в пах острием моего зонтика.

– А-ай, Сыроженька! – Борис Федорович вскрикнул так, словно его проткнули насквозь в самом жизненно ценном месте. А когда вдобавок его сильно прижали к вертушке, и в паху у него что-то с треском лопнуло, на лице бедолаги Серега впервые в жизни увидел настоящий ужас. Но Загребба, понимая, что на кону практически стоит его судьба, смог быстро взять себя в руки и сразу взглянул на часы. Пошел отсчет времени! Когда вышел из проходной наш шестой, Федорович взмолился:

– Все, братишки, жить мне осталось всего... двенадцать минут! Спасите ради бога! Че делать-то, куда бежать? Господи, за что? – чуть не плача, растерявшись, заголосил Загребба.

– Надо добежать до ближайшего подъезда. Может, еще успеем, – скомандовал Серега, едва сдерживаясь, чтобы не

приснуть от смеха. Со спринтерской скоростью мужичок за пятьдесят лидером прибежал к подъезду ближайшей пятиэтажки.

– А-а! Закрыто! Восемь минут осталось. – Он побежал в следующий подъезд, который тоже был закрыт. Только в последнем, четвертом подъезде мы, все промокшие под дождем, встали в кружок, в середине которого быстрее солдата раздевался до гола бедный несун. Словами не передать, это надо было видеть.

– Быстрее, братцы, мне хотя бы дырку оставить для пописать! – умолял нас старший член бригады, полностью разгонишавшийся, стоя босиком на холодном, грязном бетонном полу, переминаясь с ноги на ногу.

Сергея все заранее продумал, помог надеть Загребе на руки резиновые перчатки. «Давай, напяливай, говорю, – приказывал он, – а то и пальцы на руках склеятся». В кармане наготове он держал бритвенный станок. Глядя на посиневшего, дрожавшего всем тщедушным телом, бедного Загребу, стыдливо прикрывавшего худыми, коротенькими ручонками свое скудное хозяйство, обхватив ими свисающий до лобка курдюк, мы уже едва сдерживались, чтобы не расхохотаться.

– Две минуты! А-а! Господи, спаси! – воскликнул наш многострадалец. Он уже сто раз вытер все свои гениталии. В ход пошли трусы, потом майка, уже рвалась на тряпки рубашка, а наготове я держал джемпер, выкидывая на улицу уже испачканное «клеем» рваное нижнее белье.

– Ножницы! Братцы, у кого ножницы есть? – вопрошая, оглядывал он нас с застывшими слезами на глазах. – Я бы хоть волосы там состриг.

– Бритва безопасная не пойдет? – ни разу даже не улыбнувшись, мастерски продолжал играть свою роль Серега. – У меня есть, чисто случайно! Повезло тебе, Федорыч. Дома утром побриться не успел, на работе пришлось. Новая, вчера только купил, «Нева».

– Сыроженька, спаситель ты мой! – Загреба обрил все свое хозяйство под ноль за считанные секунды. – Последняя минута пошла! Братцы, привязать бы как, а?! Лучше... желательно... под углом в сорок пять градусов. Если засохнет, так хоть в таком положении! – с мольбой в голосе запросил он свое последнее желание. – Ломы ведь склеивает, кувалдой не разобьешь! – умолял Загреба, взирая больше на невозмутимого Серегу.

Давясь смехом, в этот момент я готов был запихать в рот джемпер Загребы. У остальных состояние было не лучше. Кто-то, чтобы не прыснуть, закусил свой зонтик, как лошадь удила, кто-то обеими ладонками закрывал себе рот. Я, весь красный от натуги, выпустил из носа предательский пузырь, а на глазах самопроизвольно выкатились слезы.

– А чего я-то сразу? – возмутился Серега на полном серьезе, мысленно представив, как он будет выполнять эту последнюю волю Загребы. – Так и так не успеем, сейчас схватываться уже начнет. Оставь уж как есть, на полшестого, а

то сикать неудобно будет! – Поглядев на бригаду впервые за все это время, одарил он нас своей улыбкой. – Вон тетка какая-то без зонта сюда, кажись, бежит. Одень хоть портки, а то, чего доброго, она в обморок упадет!

Одновременно взорвавшись, мы заржали, как жеребцы. Хохот раздавался на весь подъезд. Истерика на максимуме держалась минут пятнадцать. Из квартир первого этажа уже начали высовываться жильцы, угрожая вызвать милицию. Пока мы впопыхах напяливали на нашего героя оставшуюся целой одежонку, он успел надуть прямо в штаны, придав нам этим поступком новый импульс для хохота. Кое-как воткнув обезумевшего Загребу в ботинки на босу ногу, не зашнуровывая, рассовав по карманам плаща его грязные носки, мы волоком вытащили его на улицу.

Дождь продолжал хлестать как из ведра. Не разбирая дороги, прямо по лужам и грязи, мы вели под руки своего вожака к автобусной остановке. Он, бедный, чуть не плача от обиды, еле плюхал без зонта, в брюках с незастегнутой ширинкой, в джемпере, надетом наизнанку. В старомодном плащике, застегнутом не на те пуговицы, в резиновых перчатках на руках. Широко, как моряк во время шторма, расставляя ноги, он несколько раз терял по дороге застрявший в грязи ботинок. Узнав правду о том, что в резиновой перчатке в его трусах вместо клея было налито растительное масло, густо подкрашенное чайной заваркой, он уже даже не радовался...

В автобусе на меня напала жуткая икота. Домой пришел весь грязный, промокший, хоть выжимай, с горьким привкусом желчи во рту. Я развалился в душистой ванне, а перед глазами продолжал стоять образ плачущего пожилого человека, когда-то лучшего моего наставника. В душу закрался грешный стыд. «Как же я мог? Это же я... я один во всем виноват. Моя идея была, Серега лишь отлично ее реализовал», – корил я себя весь вечер.

Вспомнилось, как год назад, сразу после техникума, попал я в этот цех совсем зеленым салагой, осциллографом даже нормально пользоваться не умел, паяльник в руках не держал. Борис Федорович за неделю меня, дурня, обучил всем хитростям и премудростям. Работа у нас сдельная – сколько сделаешь, столько и заработаешь. Без него бы я до сих пор, может быть, гроши с копейками получал. Вон батя в карьере на самосвале без выходных пашет, а на целых тридцать рублей меньше меня в дом приносит. «Сволочь я неблагодарная!» – душила проснувшаяся вдруг во мне совесть, не давая покоя всю ночь.

На следующий день на работе все валилось из рук. Похожее состояние было и у остальных свидетелей вчерашней трагикомедии. С хмурыми физиономиями мы старались не встречаться глазами друг с другом. Перед обедом к нам зашел мастер.

– Давайте, мужики, поднажмите! Федорович серьезно заболел, впятером вам теперь придется план гнать. Темпера-

тура у него под тридцать девять, с подозрением на пневмонию. Зашьемся ведь без Бориса Федоровича, – с тревогой увещевал нас непосредственный начальник. – Никого домой не отпущу, даже не надейтесь! Будете пахать у меня, пока норму не сделаете. Иначе в этом месяце вот вам, а не премия будет! – Уходя, индивидуально покрутил он фигой из пальцев перед каждым угрюмым табло.

– Че раскисли-то, как кисейные барышни? – пытался реабилитировать нас Серега, перед концом смены обнаружив в полном составе в курилке. – Жалко стало? Жалко у пчелки, а он сам виноват. Че заслужил, то и получил, и нечего тут. Зато теперь на всю жизнь урок ему будет.

Выйдя с больничного, Борис Федорович около двух недель ни с кем из нас не разговаривал и даже не здоровался. Собраться всей бригадой в первый раз после того кошмарного случая нам снова поспособствовала веская причина для обмывания – очередная месячная премия.

Мы сидели на своем старом месте в лесопарке. Растущий рядом лопух, которым когда-то из принципа грозился занюхать великий артист Сырожа, уже порядком завял и покрылся инеем.

Наш Загреба, энергично размахивая бутербродом с родной колбасой в одной руке и огрызком соленого огурца в другой, с животом, забрызганным рассолом, как всегда руководил застольем. Уже без малейшего намека на озлобленность, от души и по-доброму, он взахлеб рассказывал нам о сво-

их ощущениях и чувствах, которые тогда испытывал, помогая себе иногда мимикой физиономии, красной от выпивки. Мы снова громко ржали, как стадо диких мустангов, заливая водкой на дне своих душ остатки греха надсмешания над чужой бедой, свободные и полностью оправданные бескорыстным старшим другом. Еще больше и теснее сплотились дружбой. Работа снова заладилась, и жизнь нашего маленького общества стала еще радостней.

Но эта эйфория продлилась лишь чуть больше месяца. Вскоре Загреба в присутствии всей команды снова попросил Серегу подстраховать его на проходной.

Что поделаешь, эта неизлечимая болезнь уже засела у него в крови и перешла, похоже, на генный уровень. Ладно, хоть не заразной оказалась.

Светлана Беляева

Коты против!

Это предложение показалось мне просто прекрасным. Необходимо донастроить новейшую систему умных домов на кормление домашних животных в отсутствие хозяев. То есть в определенное время автоматически включается голос хозяина, зовущий питомца, холодильник открывается, и оттуда на специальный коврик выскакивает порция еды. Животное питается, уходит, потом робот-пылесос быстро все убирает и дезинфицирует.

Запихнув в сумку-переноску упирающегося Мурзика, запас кошачьей еды на ближайшую неделю, я отправился на работу.

Охранники с подозрением смотрели на сумку с моим серым полосатым котом, но после нескольких звонков руководству нас сфотографировали. Меня – поставив у специальной стены, а пытающегося сбежать Мурзика – в открытой сумке. Выписали пропуски на меня, на кота и проводили на место работы.

Первый день.

Кошачий пропуск лежал на столе у клавиатуры и веселил меня весь следующий день, пока я настраивал холодильник

и робот-пылесос. Мурзик же прекрасно освоился и возлежал на умном диване. Ночью, лежа в кровати, я мечтал о том, как всю работу сделаю за два – нет, за полтора дня – получу гонорар и рвану куда-нибудь в Турцию, к теплему морю.

Второй день.

Проблемы начались, когда Мурзик с наглым видом проигнорировал мой зовущий голос, раздающийся с кухни и записанный специально для него.

На кухне голос, управляемый мною с компа, повторял: «Кс-кс-кс, Мурзик, иди есть», – открывалась специальная дверка, еда выдавалась холодильником, а кот спокойно вылизывал шерстку и поглядывал на меня голодными глазами, причем, когда я шел на кухню, Мурзик бежал, путаясь под ногами, всем своим видом показывая, что хочет есть.

Я решил взять его измором: весь день не кормить, тогда как миленький побежит на кухню и слопает то, что ему выдаст холодильник.

Противостояние началось и кончилось моим разгромным поражением. Он не только не бежал на записанный голос, но и категорически отказался есть из автоматического раздатчика. Когда я звал его с кухни сам, он прибежал, скользя от скорости на поворотах, но есть был готов, только если я при нем делал вид, что это мною поставлена еда. В противном случае кошан подходил к автораздатчику, нюхал и брезгливо отворачивал нос.

Половину ночи, лежа в умной кровати с подогревом и легким укачиванием, я не мог уснуть, размышляя над особенностями интеллекта моего кота, а Мурзик бегал по дому, с голодухи пытаясь поймать несуществующих мышей и игнорируя еду в автоподатчике.

Третий день.

Охранники смотрели на меня с подозрением, когда я после часового отсутствия вернулся на территорию работодателя с кошачьей сумкой, в которой сидел другой кот. Сфотографировали второго кота, выдали на него пропуск, который теперь уже меня совсем не смешил, и пропустили в умный дом.

Мурзик встретил новенького по-хозяйски: выгнув спину, взъерошив шерсть и шипя, но кот, которого я нашел на улице и назвал Васькой, быстро вошел к Мурзику в доверие.

Вид у Васьки был голодный, и я, хваля себя за изобретательность, включил голосовой призыв. Кот резко вскочил, но потом, взглянув на спокойно вылизывающегося Мурзика, улегся обратно, сверля меня голодными глазами.

На кухне история повторилась. Ощущение, что мой кот обучает дворового – есть из раздатчика нельзя, а из рук хозяина можно – было таким сильным, что я вышел и несколько раз обошел вокруг дома, а когда вернулся, еда была нетронутой, а коты разбрелись по дому в поисках мышей.

Всю ночь я ворочался. Укачивание и подогрев кровати со-

всем не помогали уснуть, бросая меня между сном и явью.

Четвертый день.

Сейчас уже смешно вспоминать, но откуда-то у меня в голове появилась эта мысль:

«Если хочешь, понять, как думает противник, стань им, думай так же, как и он». Почему я решил применить ее к котам – не знаю. Наверное, сказалось нервное напряжение и практически бессонная ночь.

Следующим утром я зашел в гостиную на четвереньках, громко мяукая. Коты смотрели на меня не отрываясь. Для полноты картины не хватало только открытых от удивления ртов. Возникла сюрреалистичная сцена с сидящими на диване котами и ползающим, мяукающим человеком. Через некоторое время они успокоились – как я понял, приняли меня за своего, и начали укладываться. Этого я и ждал! Со своего смартфона я подал команду из кухни с призывом обедать:

– Кс-кс-кс, Мурзик, иди есть, – зазвучала запись, я на четвереньках понесся на кухню, а коты переглянулись и остались спокойно лежать. Мне показалось, что за моей спиной раздалось мерзкое хихиканье, но я отогнал эту мысль и лег с ними на диван. Я ходил по дому в поисках мышей, снова и снова запускал запись кошачьего призыва с кухни, несся сломя голову на зов, показывая наглым животным пример, и в конце дня, совершенно измочаленный вынужденной дрес-

сировкой самого себя, сдался.

Пятый день.

Я вышел в гостиную. Васька с Мурзиком как ни в чем не бывало лежали на диване. Я привычно включил команду, они, как обычно, не отреагировали. Меня не покидало ощущение, что за моей спиной они переглядываются и хихикают. И тут меня осенило!

Я рванул из дома и вернулся уже вечером. Всю ночь и половину следующего дня я перенастраивал технику. Котов не кормил, и сам не ел, чтобы все сполна прочувствовали муки голода.

Шестой день.

Как только настройки были завершены, я, немного нервничая, включил новый призыв. И, к моему полному триумфу, сначала Мурзик, а за ним и Васька, дождавшись, когда откроется дверь, стремглав помчались на кухню, а там устроили драку за еду в автораздатчике.

Ликование мое не знало предела! Я смог перехитрить двух котов.

Принцип нового призыва был следующим.

Сначала заблокировался выход из помещения, где были животные, потом раздавался звук открывающейся входной двери. Из динамиков в прихожей звучал голос моей мамы, громко объявляющий, что она пришла. Звук шагов переме-

щался на кухню, потом «открывался» холодильник, и громкое: «Кс-кс-кс, котики, смотрите, что я вам принесла», – вещало маминым голосом.

После этого шаги «отправлялись» в прихожую, следовал звук закрывающейся двери, и разблокировался выход из комнаты с животными.

Весь вечер я снова и снова запускал систему, а сердце мое переполняло ликование при виде бежавших наперегонки котов.

Седьмой день.

Я сдал работу, получил гонорар и даже премию за выполненную работу.

На подписание акта приема-передачи пришел директор и несколько замов. Он долго тряс мою руку и смеялся, переглядываясь с хихикающими замами.

Оказывается, через камеры наблюдения, установленные в гостиной, сначала охрана, а потом весь офис наблюдал за моими попытками дрессировки котов. По утверждению директора, это было одно из лучших зрелищ в жизни офиса. А я, помимо гонорара, заполучил бесценный опыт, пылающие щеки и второго питомца.

С тех пор прошло много времени, но могу вам поклясться, что слышу, как иногда за моей спиной раздается противное кошачье хихиканье.

Раиса Снапковская

А вот у нас, на молокозаводе...

В нелегкие девяностые работникам предприятий нашего небольшого городка два года не выдавали заработанные деньги. Вспоминаешь то время и удивляешься: как выживали? Не унывали как-то. Еще и смеялись, и шутили друг над другом. Иногда, возможно, чересчур, но так было. Вот один невыдуманный случай.

Ждали автобус. На остановке скопилось много народа: рабочие шахты, железнодорожного депо, обогатительной фабрики, садоводы. Разговоры велись о самом главном: который год не дают зарплаты – экономический кризис, в разгаре лето, закончились запасы с огородов, каждый день надо ломать голову, чем бы накормить семью.

Железнодорожному цеху вчера выдали вместо зарплаты по мешку муки. Женщины делились нехитрым меню: кто и что напек на сегодня. У кого-то был просто хлеб, у кого – оладьи или печенье, чаще без сахара. Роптали, возмущались. Ждали автобус, чтобы ехать на работу.

Невысокий кудрявый парень, стоящий в толпе мужчин, слушал-слушал все эти пересуды и вдруг громко, чтоб слышали все, выдал:

– Не понимаю, как вы живете? Как можно? Вот у нас, на

молокозаводе...

Наступила тишина.

Парень помолчал и продолжил:

– Вот у нас, на молокозаводе! Не то что у вас. Можно молока напиться, сколько хочешь. Намешаешь творога со сметаной – поешь. Приходишь домой сытый, да еще и с собой чего прихватишь.

Последние слова перебили недоверчивые возгласы:

– Верится с трудом. Но пусть везет хоть вам, на молокозаводе. У нас дети молока не видят, не на что купить. Ладно, если по талонам в столовой останется.

– Да, понимаю, – согласился парень. – У меня дети даже сметану не едят. Объелись. Не хотят.

– Так вам и домой дают? – удивились вокруг.

– Не-е, не выдают. Сами берем. У нас у каждого есть грелки такие, плоские. По-тихому набираем в них – и домой, – пояснил парень.

– Не мели! – перебила его женщина с железнодорожного цеха. – Мой сосед работает у вас, так что-то не видно, чтоб сумки домой таскал.

– Он дурак что ли, сумки таскать? У нас на молокозаводе так нельзя. Если заметят, то можно и загреметь оттуда, и безработным станешь. У нас у каждого специальные майки есть, растягивающиеся...

Все притихли, прислушиваясь.

– Мы грелку – под эту майку, чтоб не видно было. Я вот

худой. – Парень хлопнул себя по животу, по бокам. – Мне вообще хорошо. Одну грелку со сметаной – спереди; другую, с кефиром, – сзади. Футболку пошире надел – и через проходную легко: никто не увидит. Только дети сметану уже не едят. Тошнит их от нее. И жену тоже тошнит.

Заговорили, перебивая друг друга, женщины:

– Ишь ты, тошнит их! Хоть бы молчал! У меня сын месяц сметаны не видел. Да на молоке и блины с оладьями не то, что на воде. Вот, бабоньки, где работать-то надо. И сам сыт, и семья не голодная.

Позавидовали работникам молокозавода, поругали Министерство черной металлургии, президента страны.

Автобуса все не было. Припекало солнце. Постепенно все успокоились.

– А вот у нас, на молокозаводе, – громко сказал парень, – сырки выпускают. С изюмом. Творожные. Сладкие. У нас у каждого есть футбольные гольфы до колен. Набираем мы, значит, сырков: штук по 10–15 в гольф входит. Сверху штаны пошире, и – через проходную. Даже незаметно. Принес я вчера 22 сырка, до сих пор в холодильнике валяются. Объелись...

Кто объелся, жена или дети, парень уточнить не успел, так как его снова остановили:

– И впрямь так кучеряво живете? У меня муж шахтер. Что на шахте возьмешь? Ведро камней? Провались такая жизнь! Сколько еще так будет? Детей жалко...

Возмущались и ругались уже дольше. Досталось опять президенту и всем по рангу нижестоящим.

– Да врет он, – сказала неверующая железнодорожница, – мой сосед говорит, что на молокозаводе не воруют. Деньги им дают регулярно. Никто ведь не рискнет из-за пакета молока с работы вылетать. А стыдобища-то будет, если поймают. Врет он!

– Может, это на других заводах, – ответил парень. – А вот у нас, на молокозаводе, все не так. У нас же проходная прикормленная. Сидит тетка у дверей: что она домой принесет? Она доступа к продукции не имеет. Ну поймает она меня – кому от этого лучше? Похвалят ее, и все! А так – она меня пропускает, не замечая, что у меня под растягивающейся майкой и в футбольных гольфах, а я ей оттуда кое-что достану и поделюсь. И нормалек!

Кто-то усмехнулся, кто-то удивился. Не выдержали, вступили в разговор и почему-то молчавшие до сих пор шахтеры.

– Все, мужики, надо как-то перебираться на молокозавод. Что мы гнием в нашей дыре? Холод, вода, темень, риск какой – и ничего тебе! А тут пей молоко, сметану ешь – не хочу! Красота! Там к вам на работу не принимают? – поинтересовались у парня.

– Не-е, трудно это, мужики. У нас ведь, на молокозаводе, теучки нет. Деньги дают, не то что у вас. У нас чисто, тепло, еды вдоволь.

– Замолчи ты! Еды у них вдоволь. Фантазер нашелся! Не

нервируй народ, – раздалось со всех сторон.

Подошел автобус. Народу набилось много. И так стояли вплотную друг к другу, а еще толпа садоводов с ведрами, рюкзаками и корзинами. Кое-как втиснулись.

– А вот у нас, на молокозаводе, ну ни у кого садов нет, – снова заладил парень. – Зачем мне сад? Вкальвай целое лето. То тебе дождь все зальет, то солнце высушит. Потом горбатиться, урожай убирать. Конечно, если б я работал, как вы... А у нас и так еды хватает.

Возмутились некоторые садоводы:

– И мы не от хорошей жизни в сады гоняем. Сыну деньги не дают, дочери тоже. Внуков надо кормить.

– А вот у нас, на молокозаводе, – сказал парень, но его тут же перебила бойкая железнодорожница:

– Так и ехал бы на свой молокозавод. Сада у тебя нет, куда же ты с нами наострился?

– Я слышал, что у вас муку давали под зарплату. Вот хочу договориться на обмен: мне муки, я – сметаны грелку-друтую. Или молока, кому что надо. Ведь у нас на молокозаводе...

Пассажиры встрепнулись. Кое-кто стал уточнять условия бартера.

Мужики с шахты решительно отсекли обогатителей, железнодорожников и садоводов.

– Давай, парень, не отвлекайся. Едем к нам, на шахту. Сейчас договоримся. Поменяем муку. Что там у тебя есть?

Сколько на сколько? – посыпались конкретные предложения.

Парень переместился поближе к шахтерам:

– А вот у нас, на молокозаводе, есть еще и масло. Мужики, масла надо? Мы день выносим в грелках сметану и кефир, в другой день накладываем под майку по несколько пачек масла. Только давайте договоримся на берегу: чтоб сразу встречали в кустах у молокозавода, а то масло-то холодное, пока несешь – околеешь. Масло дороже будет, мужики. Я ведь простыть могу, рискую здоровьем.

– Согласны! Согласны! – повеселели те. – За масло даем муки вдвое больше. Да, мужики?

– Какой разговор? Конечно!

Вышли на своих остановках садоводы, в автобусе стало заметно просторнее, но шума не убавилось.

Досталось президенту, досталось директору рудника. Потому что дети рабочих не видят ни масла, ни молока. Потому что их родителям на работе вместо зарплаты выдали по три банки кильки в томатном соусе, в то время как своего дорогого сына директор (вроде бы) повез в Италию, посмотреть футбол. Скоро собирать детей в школу, и не на что купить одежду, обувь и тетрадки...

– А вот у нас, на молокозаводе, – не унимался парень, – ну все не так. Как вы живете? У нас директор и деньги дает, и...

– Замолчишь ты или нет, наконец-то?! – прикрикнула железнодорожница.

И тут не выдержала молчавшая всю дорогу молодая девочка:

– Женщины, миленькие, успокойтесь вы. Не слушайте его. Он работает у нас, на шахте, электровозником. Посмотрите! – дернула парня за футболку, за штанину спортивных брюк. Под ними не оказалось ни футбольных гольф, наполненных сырками, ни грелок со сметаной, ни пачек масла.

В автобусе наступила тишина. Кто-то смотрел на кудрявого парня молча, кто-то задумчиво, но большинство – весело, с улыбкой, оценив пусть и с привкусом горечи, но все-таки юмор.

– Бабочки, не сердитесь! – парень вывернул пустые карманы, поклонился. – Ну не был я на молокозаводе. Не был. Никогда. Клянусь! С ними я, – кивнул на стоящих рядом коллег.

– Так как же это? – расстроилась бойкая железнодорожница. – Милый! На работу – и совсем без еды? Ну-ка, угощайтесь! – распахнула сумку, в которой лежали несколько свежеиспеченных булочек.

– Спасибо, не надо, – вежливо отказались мужчины.

Им всем вскоре предстояло спуститься под землю на 7 часов. В руках почти ни у кого не было обычных свертков с едой – шахтерских тормозков...

Не было и грусти на лицах. Ведь шахтерам не к лицу унывать.

Любовь Шубная

Как мы год мыши встречали

Наш двоюродный брат Саша – большой выдумщик. Он часто бывает у нас в гостях, потому что бабушка у нас общая. И все праздники мы вместе отмечаем.

В прошлом, вернее, в позапрошлом году, где-то в середине декабря Саша пришел с ночевкой. Вечером позвал нас в детскую по важному делу:

– Скоро будет Новый год...

– Знаем, – хором сказали мы с Пашкой.

– Знаем! – передразнил Саша. – А какой это будет год?

Мы пожали плечами, а потом ответили:

– Две тысячи девятнадцатый.

– Не просто две тысячи девятнадцатый, а год свиньи! – поднял вверх руку Саша. – И чтобы год был хорошим, встречать его надо по-свински!

– Как это? – спросил я. – В грязи поваляться?

– Можно и в грязи, – согласился Саша. – Но, во-первых, где ты в мороз грязь найдешь, а во-вторых, мама за это не похвалит. Есть предложение получше. Несите плотную цветную бумагу и ножницы.

Он нарисовал, а потом вырезал из бумаги смешные пороссячьи мордашки. Пашка вспомнил, что у дедушки в гара-

же валяется кусок поролона, и предложил сделать из него пяточки. Их приклеили на маски. Получилось так классно! Осталось придумать завязки, чтобы маски не спадали. Но и с этим проблем не было: Саша быстренько приспособил шнурки от папиных кроссовок (они оказались самыми длинными). Мы надели маски, посмотрели друг на друга и повалились со смеху.

– Тише! – зашикал Саша. – А то раньше времени секрет раскроете!

Мы спрятали маски, и как раз вовремя – бабушка пришла проверить, чем мы занимаемся.

– Новогодние игрушки делаем, – успокоил ее Саша. – В школе задали...

– А чему так смеялись? – спросила бабушка.

– Да Санька смешную песенку спел, – нашелся Пашка.

– Ну-ка, ну-ка, – насторожилась бабуля. – Я тоже хочу послушать. А то он как в школе что-нибудь споет, так его маму к директору вызывают.

– Не, бабуль, теперь я ученый, – сказал Сашка. – Песни с глупостями не пою. Я только «Жили у бабуси два веселых гуся...».

Бабушка успокоилась, но обещала еще заглянуть.

– Братцы, надо нам придумать песню к Новому году, тогда еще смешнее будет! – зашептал Пашка. – Давайте попробуем. Петька, ты мастер по стишкам!

Я взял тетрадку и стал сочинять:

Мы веселые ребята,
Озорные поросята.
Мы мечтаем об одном —
Чтобы теплым был наш дом.

– Прямо композитор, – похвалил Саша. – Хорошо! Только не очень весело. А если так:

Мы веселые ребята,
Озорные поросята.
И сегодня мы втроем
В доме все перевернем.

– Мне вторая песня больше нравится, – сказал Пашка. – Надо еще пару строчек добавить – что, если подарков не дадут, до утра будем визжать и хрюкать.

– *Дайте нам подарки, люди, а не то мы хрюкать будем!* – добавил я.

– *Будем хрюкать до утра, хрю-хрю-хрю, тара-ра-ра!* – дополнил Санька.

В общем, на Новый год получилось очень весело. После каждой строчки мы добавляли «хрю-хрю-хрю», и взрослые не только аплодировали, но и подхрюкивали. Дедушка выразил благодарность и дал нам по тысяче рублей.

Две тысячи двадцатый – то ли мышиный, то ли крысиный год. К нему Саша тоже предложил подготовиться заранее:

– На этот раз обойдемся без масок. Я еще смешней придумал. Приготовим крысу.

– Жареную или вареную? – испугался я.

– В некоторых странах крыс, конечно, едят, – заумничал Саша. – Но у нас вряд ли. Убивать не будем. Просто поймем. Хотя крысу, наверное, не так-то просто выловить, она хитрая. Можно мышку.

– Бабушка говорила, что в кладовке завелась, мешок с мукой прогрызла, – вспомнил Пашка. – Как раз и сюрприз ей приготовим, и кладовку освободим. А чем ловить будем? Мышеловкой?

– Не-е-е! Мышеловкой нельзя: хлопнет по лапе или по морде. А нам мышка целенькая, веселая и здоровая нужна, – пояснил Саша. – Поищем в интернете другие способы. Во-о-о... Можно использовать бутылку – грызун туда влезет, а назад никак... Нет, это не подойдет. Надо, чтобы мышка в нужное время вылезти смогла. Ага! Это – то, что надо! Обыкновенная банка! Поймается, поживет там несколько дней. И подкармливать удобно, чтобы не погибла.

Мы положили в банку кусочек сыра и сухарик, приставили линейку, чтобы по ней, как по мостику, мышка до горлышка банки добралась. Приспособление оставили в кладовке и каждый час бегали проверять. Но за целый день мышка не попалась.

– Наверное, не голодная, – предположил Саша. – Ладно, не зевайте, а мне домой пора. Если поймается, накройте бан-

ку крышкой с дырочками и сразу позвоните. Мышку домой заберу, а то у вас ее бабушка быстро обнаружит.

Мы с Пашкой дежурили по очереди и прогоняли от двери кладовки вечно голодного кота. Наконец-то в воскресенье вечером мышка попалась, и Санька унес банку домой.

Тридцать первого декабря он пришел к нам раньше всех, вытащил из пакета и поставил в детской на стол обернутую газетой банку.

– Что это? – спросила бабушка.

– Сюрприз, – хитро прищурился Саша. – Только, чур, не подглядывать!

– Ладно, – согласилась бабуля. – Надеюсь, не взрывное, не опасное?

– Что ты! – засмеялся Саша. – Совсем не опасное! Маленькое и доброе – всем понравится!

Ближе к полуночи все сели за стол. Проводили старый год, посмотрели поздравление президента. И вот забили куранты: «Бом, бом, бом...»

Взрослые встали, начали поздравлять друг друга с Новым годом и загадывать желания.

– Тада-ам! Внимание! Символ года! – сказал Саша и выпустил мышку из банки прямо на стол.

Она испуганно забегала между тарелками и салатницами, пытаясь спрятаться.

– И-и-и! И-и-и! – завизжала тетя Надя, влезла на диван и затопала ногами. Мама убежала в другую комнату. Бабушка

прямо застыла со стаканом сока в руках.

– А-а-а! А-а-а! – закричала тетя Наташа и стала отмахиваться салфетками.

Ошалевшая мышка прыгнула на руку Арины.

– Ой, ой, ой! – испугалась Арина и стряхнула ее прямо в тарелку с винегретом. Дедушка и папа стали стучать вилками по столу. Мышка еще больше запаниковала и забегала кругами.

– Ну-ка тихо все! – скомандовала вторая Сашина бабушка, Света. – У бедной мышки инфаркт с испугу случится! Негоже так символ года встречать. Иди ко мне, маленькая!

Бабушка Света – фермер, у нее в хозяйстве всяких животных видимо-невидимо. Она никаких зверей не боится – даже волков. А крошечный серый грызунишка и вовсе ни почем. Санькина бабушка быстренько поймала мышку, посадила обратно в банку и накрыла крышкой.

– На ферму заберу. Мышкой меньше, мышкой больше – какая разница. Молодцы, мальчишки. Замечательно подготовились. И мышка-норушка столько впечатлений получила, и мы хорошо встряхнулись. А то засиделись за столом, с места никого не сдвинешь. У тети Нади вон сразу радикулит прошел. Ногами топает, в ладоши хлопает. Наташа жаловалась, что руки болят. Видели, как отмахивалась? Помогла мышка!

Символ следующего года – бык. Там уж, конечно, посложнее будет... Но вместе обязательно что-нибудь придумаем!

Андрей Макаров

Массаж

– Вот так, сынок, я и потерял веру в людей, – прокряхтел бородатый дед, сидевший рядом со мной на остановке, и замолчал.

Автобус только что ушел прямо у меня из-под носа, и я приготовился к длительному ожиданию. Обычно я не склонен разговаривать с незнакомцами, но дед был такой колоритный, будто бы только что из деревни. Окладистая борода, степенный, неторопливый говор и резкий запах махорки, впрочем не совсем неприятный.

– Это еще почему, отец? – Я давал ему добро на продолжение его рассказа.

– Так ведь энтó, непонятно, что творится в мире! А уж какой казус со мной вышел – и не пересказать... Ладно, так уж и быть, расскажу тебе. Слушай.

Было энтó пару лет назад. Был я ишо молодой совсем, только-только на днях семьдесят исполнилось. Так-то мы всю жисть в деревне живали, а тут чой-то начали разные орханы барахлить: то одно, то другое, а то и совсем даже третье. То тут кольнет, то тут стрельнет. А надысь на огороде согнулся, и ни туда ни сюда. И не разогнуться, и не другое. Ну, с божьей помощью, кое-как да потихоньку, конечно, то-

го, но спина стала крайне не такая, как раньше. Мне бабка и говорит: «Ехай ты, мол, к дохтуру. А то мне с тобой возиться интересу мало». Вот ведь бабы так бабы.

Ну да делать нечего, поехал. Собрался, конечно, и в город. До городу-то от деревни нашей километров, поди, сорок. На автобусе, конечно. Билет купить пришлось. А я, между прочим, герой. Ветеран.

«Ты, дед, ври-ври, да не завирайся, – подумал я про себя. – Какой ветеран? Ветеран чего? Ты ж после войны родился. А в Афган ты уже по годам не проходил. Вот ведь дает! Ветеран!»

Но вслух говорить ничего не стал. Интересно было, чем дело кончится.

– Так приехал я в больницу, – продолжал дед, – талончик взял, отсидел четыре часа в очереди. Наконец принял меня дохтур. Там посмотрел, там пощупал, согнул, разогнул. «В общем, – говорит, – диагноз ваш неутешительный. Я бы вам порекомендовал на массаж походить. Десять сеансов по шестьдесят минут. Нужно, – говорит, – и то, и другое, и третье, в общем, почти все массировать».

А у нас в деревне какой массаж? Смех один. Приехал, говорю бабке: давай, мол, мне массаж делать. Бабка в слезы: «Как я могу, если не умею?» Делай, говорю, как умеешь.

Два часа возились, вроде сделали. Но только меня после того бабкиного массажа еще сильнее скрючило. Ну, думаю, старая ведьма, попляшешь ты у меня.

Вот так в город я и переехал, к детям поближе, да чтобы массаж делать.

Пришел в больницу, говорю дохтуру: «Давайте мне направление на массаж, буду в вашу поликлинику ходить».

Дохтур посмотрел на меня да говорит: «Я могу дать вам направление, но у нас сейчас массажист в отпуске, а после отпуска он увольняется. Да еще и очередь на массаж. В общем, самое раннее – через полгода сможете на процедуры попасть». Тут у меня что-то ойкнуло внутри. Это что же, мне полгода скрючившись ходить? А дохтур продолжает: «Вы, – говорит, – можете походить на платный массаж в любую другую клинику либо в частные кабинеты. Я могу вам дать пару телефонов».

Уж больно злой я стал, что деньги платить придется. Сами массаж прописали, а сами делать не хотят. Плюнул я мысленно, развернулся и вышел из кабинета. Сам, думаю, справлюсь, без твоих телефончиков.

Нам с бабкой как раз дети новомодный планшет подарили. Вот, говорят, раз уж вы в городе будете жить, приобщайтесь к цивилизации. Ну а мне что? Я взял. А бабка – та его боится, называет идолищем поганым и крестится каждый раз. Ну что взять с дуры? Стоит на пути технического прогресса.

Думаю, тварь я дрожащая или право имею? Осилю я это чудо техники аль нет? Спрашиваю у сына: «Покажи хоть, как пользоваться». Показал, все рассказал, я вроде все понял.

«Вот, – говорит, – программы, вот почта, вот браузер, вот интернет. Через интернет найти можно все что угодно».

«А как в ентом тернете чевой-то найти-то?» – спрашиваю. Объяснил. «Ты, – говорит, – вот сюда вбивай поисковый запрос, как оно есть. Например, нужно тебе велосипед для внука купить, прямо так и вбивай: «детский велосипед». А нужно, например, в кино внука сводить, так прямо и вбивай: «кино для детей с 6 лет». И кликай по ссылкам».

Тут-то я и смекнул. Вот, думаю, зачем вы мне тернет ентот подсурobili. Подарки детишкам вашим покупать да нянькой бесплатной работать. Ну уж нет, не дождетесь. Сами занимайтесь.

Ну да ладно, пока суть да дело, решил я узнать, где же мне массаж сделать могут. Так прямо и написал: «массаж для мужчин». И повываливалась одна сплошная реклама. И ведь так прямо и написано: мужской спа-салон. Ну, думаю, не повезло бабам, им массаж делать никто не хочет. Выписал я несколько телефонов и давай звонить.

И все так там вежливо, понимаешь, и культурно. Разные там «здравствуйте» да «до свидания». И ждть полгода не нужно. В любое время, говорят, приходить можно. Работают двадцать четыре часа семь дней в неделю. Вот это сервис, думаю, вот это блага цивилизации. И, видимо, все так ентот массаж делать любят, что кто работает, например, или еще почему днем не может, так пожалуйста, хоть ночью приходи. Далеко, думаю, нам в нашей деревне до такой культуры быта.

Все-таки и при капитализме тоже неплохо живется.

Выбрал я один салон с красивым названием. «Гранд Делюкс Релакс» назывался. Не по-нашему. Ну и пошел.

Захожу я, значит, а там окна черными шторами завешены, полумрак. Умер, что ли, кто-то, думаю. На полу ковры, на коврах диванчики удобные стоят да столики из прозрачного стекла. Выходит ко мне девица молоденькая, удивленно на меня смотрит, говорит:

«Добрый день! Вы на массаж?»

«Да, – говорю, – на массаж».

«А вы уже выбрали программу?» – спрашивает.

«Программа, – говорю, – у меня простая. Но только чтобы не меньше часа. И медсестра чтобы поопытнее была».

Смотрю, глаза у девицы потихоньку округляются.

«А то сама, дочка, понимаешь, – продолжаю я, – лета уже не те, все же застоялось, размять нужно».

«Застоялось? Не меньше часа? – удивленно пробормотала девица. – А я думала, что в этом возрасте... Впрочем, как пожелаете. Медсестру, говорите? Сразу предупреждаю, с костюмами у нас дороже».

«Так что ж, у вас медсестры без костюмов, что ли, ходят? Ой, дочка, уморила!»

В этот момент мимо продефилировала еще одна молодая девица, в одном нижнем белье. Тоже, наверное, на массаж. Только неужели массаж в одной комнате, а раздеваться нужно в другой и через холл полуголым проходить? Непорядок

это.

«Только вы смотрите не халтурьте там, – предупреждаю, – а то мы с бабкой давеча два часа провозились, а толку ноль. Все как было каменным, так и осталось, еще даже хуже стало. Как будто кол забили – ни согнуть, ни разогнуть».

Видать, девица уже решила принимать все как оно есть, хотя, конечно, спросить ей хотелось многое.

Тут, конечно, медсестра приходит. Со шприцем. А шприц, наверное, литра на два. Это, думаю, куда же это я попал?

«Зачем же, – говорю, – вам, к примеру, такое приспособление-то?»

А она что-то начала про какую-то Усть-Лугу мне говорить. Говорит, есть в Усть-Луге ветки сакуры – к чему это она? Говорит, одежда не рваная у нее будет. Потом про анализы, что ли, спрашивать начала.

(Это я потом сообразил, что она ему предлагала услуги с названиями «Ветка сакуры» и «Нирвана». Про анализы я промолчу, я думаю, читатель догадается. – Прим. автора).

Я ей: «Дочка, не нужны мне твои анализы, мне бы массаж. Только предупреждаю, работы много будет, я к вам каждый день ходить буду, по часу в день. Лишь бы бабка деньги мне давала. А если отпустит меня через десять-то сеансов, так я всех мужиков к вам приведу! У меня кореш в деревне, Петрович, так у него все то же самое. А ему уж девяносто лет, поди, стукнуло».

Раскрыли рты девицы и стоят – ни вздохнуть, ни охнуть.

В общем, что в этих салонах массируют, узнал я, только когда медсестра хотела уже к массажу приступать. Ох и скандала ж было! И крику сколько! Вот после этого случая я в людей и не верю.

Вот ведь капиталисты: пишут одно, а на деле – совсем другое!

Николай Виноградов

Щавель

В середине мая все четыре девятых класса нашей школы повезли на автобусах за город, на речку Керженец, для проведения военно-спортивной игры «Зарница». Я радовался этому событию, как дурак.

В параллельном классе училась Наташка Белова, единственная из всех девчонок, которую я перерос на целых сантиметров пять, и в которую был давно тайно влюблен. Когда-то давно, еще классе в пятом, по воле завуча школы мы с Наташкой вместе выступали на каком-то праздничном концерте, пели и плясали «Цыганочку». Так здорово выступили, что потом на всех концертах нас объявляли «гвоздем программы». Мы оба так радовались, были на седьмом небе от счастья, и даже один раз поцеловались. Она, кажется, вообще не выросла с тех пор.

Так получилось, что на «Зарницу» мы ехали с ней в одном автобусе и сидели у окна друг напротив друга. Часто, встретившись нечаянно взглядом, оба загадочно и приветливо улыбались и сразу стеснительно отводили глаза на окно. Хотя лично я смотрел в него, ничего не видя. Перед глазами стояло только ее милое, улыбающееся личико.

Рядом с ней сидел Кульпяк – Витька Кульпяков из моего

класса – длинная, худая оглобля. Нос у него отрос, загнувшись крючком, и был похож на клюв коршуна. Его уродливо выпячивающаяся вперед нижняя челюсть отпала вниз. Видимо, Витьку укачало, и он заснул сидя, все больше и больше наклоняясь в Наташкину сторону, постоянно тыкаясь своим клювом ей в затылок. Наташка как-то резко повернулась в его сторону и столкнулась прямо нос к носу.

– Ой, мамочки! – перепугалась она от неожиданности и бросилась ко мне на колени, обхватив за шею.

В свою очередь, не ожидая буйной реакции от своего нежного создания, я сразу обомлел от такой великой радости, чуть было не потеряв сознание. Она прильнула губами к моей щеке, и я сразу весь аж затрясся, словно меня током шахрахнуло. Чувствовал ее ласковые губы на щеке, ее приятное дыхание, дурманящий запах волос. Моя рука самопроизвольно обняла тонкую девичью талию, и уже вторая рука потянулась прижать маленькую Наташку еще ближе к себе. Но тут кто-то вдруг громко и не вовремя хихикнул, и я, заметив, что весь автобус пялится на нас, нехотя убрал свои грабли и ощутил, как вспыхнули щеки.

– Испугалась? Да он просто заснул, – начал я ее успокаивать. – Он у нас и на уроках всегда спит.

– Так неожиданно, я чуть не померла со страха, – пропела она своим ласковым голоском, опуская руки с моей шеи. – Он чуть в голову меня не клюнул. Давай, пожалуйста, поменяемся местами.

Мы пересели.

– Эй, Кульпяк, харэ дрыхнуть! – ткнул я Витьку локтем в бок. – Сядь нормально и не висни на мне.

– А? Чего? Уже приехали? – очухался длинный. – Нет еще?! Ой, меня что-то всегда в автобусе в сон клонит. Не выспался сегодня.

Пока ехали, я всю дорогу мечтал, как мы с Наташкой улучим момент, чтобы уединиться и поболтать где-нибудь на берегу речки. Я знал, чувствовал, что и она надеется на это. «Может быть, даже удастся ее поцеловать. Хотя бы в щечку», – грезил я до самого конца пути.

По приезде на место все сразу рассыпались по лужайкам, бросились собирать землянику и щавель. Земляники было не так много, а щавеля, этой кислятины, – хоть лопатой гребь, все поляны были усыпаны. Мы, как дикое козлиное стадо, за полчаса обожрали этот щавель со всех близлежащих полян. Я сразу заприметил Наташку, ползающую в белой панамке на соседней поляне вместе со своими подружками. Мелкими перебежками, щипля щавель через раз, я переходил на ее поляну. Но, пока добирался до заданного места, Наташка со своими девчонками успевала перебазироваться на новое пастбище. Мне так и не удалось к ней приблизиться до сигнала общего сбора.

Сама эта игра меня мало интересовала. Даже не умудрился вникнуть в ее правила. Меня приписали в какую-то группу, прилепили на грудь камуфляжной куртки бумажный зна-

чок с какой-то отличительной символикой. Кого-то в нашей группе назначили командиром, не помню. Я был простым и самым младшим солдатом. Любой мог приказать мне: «Беги туда!» – и я бежал, не вникая особо, зачем и для чего. Прибежав, я слышал: «Ты куда прибежал, дурак? Мы же твои враги! Беги обратно!» – и я бежал обратно, но опять почему-то попадал во вражеский лагерь. Какие правила? Какие враги? Я просто искал ее, мою Наташку Белову.

В середине игры, весь потный и запыхавшийся, я прибежал в чей-то лагерь, в котором командиром был наш школьный физрук.

– Так, боец! Где твой отличительный знак? – полностью войдя в роль командующего армией, начал отчитывать меня физрук, нахмутив брови.

– Не знай! Посеял где-то.

– Ясно! Потерял в рукопашном бою! А из какой ты группы? – пристал он как банный лист.

– Из этой... как уж ее? Забыл, товарищ командир.

– Ну из «Сатурна» или «Юпитера»? Или из нашего «Плутона»? А? – не унимался главнокомандующий.

– Ага! Из какого-то из этих. Точно не помню.

– Так, где у нас санитары? Ведите этого бойца в санчасть. Он, похоже, в голову раненый. Контузия! Срочно на перевязку!

Так я просидел с перевязанной головой в санчасти до конца игры. Нам дали два часа на отдых перед отъездом домой.

Все побежали к речке умываться. Для купания вода была еще слишком холодной. Как назло, я нигде не мог найти свою Наташку. Ее не было ни в лагере, ни на речке, ни на полянах.

Вдруг от этого щавеля так сильно скрутило живот, что я даже присел. Когда резкая боль в брюхе прошла, меня сразу приспичило. Даже испугался, что не успею добежать до ближайших кустиков. Сорвав на бегу с чьей-то головы газетную шляпу, рванул в лесной туалет. Пробежав метров сто и не найдя в сосновом лесу мало-мальски безлюдного места, готов был уже сесть под любой куст. Но и до ближайшего из них нужно было как-то умудриться добежать, не навалив в штаны. В радиусе двухсот пятидесяти метров от лагеря все уже было кем-то занято. Когда подбегал к кустикам с криком «Вуй-вуй-вуй, мамочки родные!», оттуда слышался дикий визг. Закралось подозрение, что все «бойцы» специально сговорились меня опозорить. Подбежав к последнему, по своей возможности терпеть, кусту, едва успел снять штаны, из меня изверглось со страшным звуком, как из брандспойта, все, не успевшее перевариться за последние дни. Сам испугался этого звука, после которого со лба полился градом пот, и я, поняв наконец, что такое настоящий кайф, облегченно выдохнул: «Фу-у!»

Из опасения быть застигнутым на месте преступления, не стал долго рассиживаться. Застегнув штаны и засунув на всякий случай в карман остатки газеты, я уже собирался покинуть спасительные кусты, как вдруг сзади прогремел точ-

но такой же звук, какой вырвался минуту назад из моего нутра. От неожиданности, уже в штанах, я снова присел на старое место.

– Фу-у! Мамочки родные, еле успела! Еще пару секунд – и я бы взорвалась. Чтоб еще хоть раз в жизни я взяла в рот этот проклятый щавель!

У меня волосы встали дыбом: узнал голос моей Наташки Беловой! Она сидела прямо в метре за моей спиной.

– Ой, мамочки! Я, кажется, в какой-то муравейник села. Вуй-вуй! По мне кто-то ползает. Кусаются, заразы! Тебя не кусают?

«О господи! Никто ей не отвечает. Неужели это она ко мне обращается? С ума она, что ли, сошла? Чокнутая! Убежать разве? Хм! Подумает еще, что я трус! Да-а, ситуация!»

Стал тихонько поворачиваться назад, чтобы удостовериться, что мы здесь одни. Белая панамка была так близко, что я мог дотянуться до нее рукой. Больше никого вокруг не разглядел.

«Боже мой! Как же ей не стыдно? Нашла подходящий момент, бессовестная! Вот ведь как время может испортить человека!»

– Слушай, я больше не могу! Надо перейти в другое место. Мне всю задницу искусали. Ой, я даже бумажку не взяла, так меня врасплох прихватило. У тебя есть? Оторви мне маленечко.

«Ба-а! Ну это уже вообще ни в какие рамки! Как я мог

влюбить в такую дуру?»

Достал из кармана газету и протянул ей. Пробормотал: «На, пожалуйста!» и демонстративно отвернул голову в сторону. Пара секунд молчания показались мне вечностью. Только обернулся – прямо в упор из кустов на меня, не мигая, уставились четыре глаза. С пронзительным визгом Наташка со своей толстой подружкой Светкой Корсаковой, сверкая белыми задницами и надевая на бегу камуфляжные брюки, с огромной скоростью рванули в ближайшие кусты, до которых было метров двадцать. Ее подружка споткнулась о корни деревьев и распласталась на животе во весь рост. Наташка, придерживая свои штаны одной рукой, пыталась помочь подруге подняться. Та кое-как встала и быстро похромала дальше с ушибленной коленкой, уже не обращая внимания на свои спущенные штаны.

Девчонки пожаловались Хламидомонаде, училке по биологии, которая была их классным руководителем. Перед отъездом биологичка на общей линейке меня прилюдно опозорила, оклеветав, будто я следил и подглядывал за девчонками. Оправдываться было бесполезно, только жалко Наташку – как она горько редела. Да я и сам готов был расплакаться, как на похоронах. Любовь же умерла.

* * *

Однажды на нашу с женой серебряную свадьбу дети при-

тащили целую охапку щавеля, на который я еще с молодости смотреть не мог. С тех пор в семье было заведено – в день нашей с Наташкой (в девичестве Беловой) свадьбы всем съесть по пучку щавеля. А что самое интересное, в этот день вся наша семья превращалась в цыганский табор, в домашний театр «Ромэн», в котором солистами выступали наши четверо внуков.

Николай Виноградов

Случай на рыбалке

– Какие вы, оказывается, умнявые! Даже дураком себя почувствовал среди вас. Передо мной, что ли, светлоголовыми-то притворяетесь? – долго слушая разглагольствования двух своих друзей об устройстве мироздания, вставил свое критическое словцо Валера, точнее, Валерий Викторович, грузный мужчина лет под пятьдесят.

Когда-то давно, в счастливом и безмятежном детстве, те два года, на которые он был старше своих друзей по двору, имели весьма большое значение, что позволяло Валере быть лидером в этой троице. Ныне Петька стал Петр Николаевич, заводской адвокат, а Толик – Анатолий Александрович, завгар автобусного парка. Свою дружбу с детства они как-то умудрились сохранить до седых волос у Петьки, плечи у Толика и Валеркиной лысины.

Уже конец июля, а им только первый раз за лето удалось вместе на рыбалку вырваться. То некогда всем было, то Петю жена не отпускала. «Не пущу, и не мечтай даже! – ругала она его. – Нажрешься опять с ними, как свинья, три дня выхаживаться потом будешь. Валерка-то вон какой боров! В его брюхе литр водки как рюмочка будет, а ты с четвертой стопки на ногах не стоишь!»

Несколько часов назад они приехали с ночевкой на загородное озеро – свое любимое место. Добирались долго: сначала на автобусе, а потом еще шесть километров топали пешком по бездорожью.

– Своим ходом доволочемся как-нибудь, я думаю. Никого же из нас не заставишь потом трезвым за руль садиться, – выдвинул справедливое решение Валера, – обидно будет.

На костре в котелке уже закипала водичка. Толя запустил в него картошку с морковкой и почистил первых пять рыбин – трех плотвичек с ладонь и двух карасиков чуть побольше. Пете пока не везло, даже не клюнуло ни разу.

– Да ладно тебе, Валера! Перед кем здесь выпендриваться? Мы ж за эти сорок с лишним лет как облупленные друг перед другом стали. – Толик насаживал свежего червячка, специально для этого надев на нос старые очки-телескопы, протертые о старомодные, выцветшие плавки. – Тьфу, гадство, правое очко опять вылетело. Ну все, теперь и не найдешь! – Он шарил руками по траве. – Это умный дураком может притвориться, а дурак умным – вряд ли. Стой, не топчись здесь, очко мое затопчешь!

Анатолий Александрович три года назад овдовел. Сегодня это пожилой мужчина, высокий, как дядя Степа, и худющий, как Кощей Бессмертный, имеющий троих взрослых детей и уже четырех внуков.

Вечные проблемы на работе и тяпом-ляпом залатанный, прохудившийся домашний быт – все ушло куда-то в туман и

моментально забылось. Улыбались не только их хмурые до сего дня физиономии, но и души, бывшие когда-то чувственными, но успевшие изрядно зачерстветь. Ощущалось чувство полнейшей свободы, она выпирала у них изо всех телесных отверстий. Даже седой Петр Николаевич, подкаблучник с тридцатилетним стажем, самый первый в городе скромняга, семьянин до мозга костей, успел за это время так расслабиться, что уже четыре раза ни за что ни про что обложил матом Анатолия, да так смачно, что числом этажей, наверно, переплюнул какого-нибудь бывалого боцмана балтийского флота. Не ожидая этакой прыти от своего высококультурного друга, удивленный Толя даже забыл на него обидеться.

– Мы же всего лишь гипотезы свои выдвигаем, а это и дуракам позволительно, – оправдывался перед Валерой Петя за себя и за Анатолия. Лицом и фигурой он сильно смахивал на знаменитого киноартиста Евгения Леонова, только голос имел писклявый и гнусавый, а на голове вместо плешки у него была давно не стриженная копна спутанных, как пакля, седых волос. – Правильно я говорю, Толян? Ты помешивай, помешивай, а то подгорит! Эх, луку забыли взять, жалко!

– Оп-па, шестая попалась! Окунишко! Ну и хватит пока, пора начинать! – Бросив окунька к костру, Валера пошел за первой бутылкой, охлаждающейся в специальной сетке в воде у берега. – Ах, хорошо-то как, пацаны! А?! Вот оно где, счастье-то человечье! Ловите момент, друганы! Ну, будь здрави! – Бывший лидер сел к символическому столу из га-

зет, сервированному копченой колбасой, вареными яйцами, малосольными огурцами и прочими яствами, распластал на ноги свое огромное пузо и положил на него для удобства, ближе к пупку, пару огурчиков с ломтем ржаного хлеба. – Целый год я ждал этого блаженства. Пора, наверное, Толян, рыбешку закидывать. Только не пересоли, как обычно! – командовал он, изображая своей позой турецкого татаро-монгола. – Ну, между первой и второй, как говорится...

– Я вот, Толян, так до конца и не понял, нашли они этот бозон Хиггса или нет? Слухи ходят, что нашли, но что-то особую радость от этого никто не выказывает. Чего же тогда эта частица Бога дала им, интересно? Че-то они там темнят, мне кажется, – высказался Петр, желая продолжить начатый разговор на научную тему.

– Какой бозон, придурки? Нет никакого вашего бозона и не будет! Я, хоть всего лишь простой бухгалтер, и то давно знаю, что нас, уже целое поколение считай, попросту дурят этой теорией относительности, – встрял в разговор постоянно жующий лидер.

– Хи-хи! Не смеши мое лицо, оно и так смешное! Еще один умник выискался! – прикуривая сигарету от головешки из костра, кинул ехидную реплику плешивый Толик. Физиономия у него действительно была довольно забавной. Нос картошкой, брови светлые, едва заметные, резко изогнутые, как крылья чайки, а выражение лица словно навсегда застыло в стадии глубокого удивления. Глазки маленькие, как

пугови, постоянно слезящиеся. При улыбке кожа на лице сморщивалась, становилась похожей на кожу шеи у черепахи.

– Ты чего тут лыбишься, Кощей Скелетович? Я над вами не ржал, когда вы с Петькой передо мной умными глупостями обменивались, – чистя на животе вареные яйца, упрекал друзей Валерий Викторович. – Вы хоть знаете, сколько бабла туда вбухано? Для седовласых мечтателей от науки забаву в ЦЕРНе устроили. Несколько европейских стран скинулись не жадничая. Пусть, мол, теоретики лучше под землей в этом адронном коллайдере ковыряются, дескать, ради мира на земле стараются. К этому баблу столько халявщиков присосалось, что они готовы еще лет двести ваш бозон искать, лишь бы деньги платили. Настоящую-то науку каждый у себя дома делает, и хрен кому чего покажет – конкуренция! Скорее вот из этого озера на удочку лох-несское чудовище выловишь. Да ну вас! Тоже мне, нашли тему для разговора, академье отбракованное! Давайте уж лучше о политике побазарим, – внес предложение бывший главарь тройки.

– О какой, о внутренней или о внешней? – сразу оживился Петя. – Если о внутренней, то тут и базарить уже нечего, все давным-давно разворовано. Кто был в нужное время поблизости от кормушки и не постеснялся воспользоваться моментом, тот все и прикарманил. Сейчас эти хапуги во много раз приумножили свои состояния, а ты как был валенком при ваучере, так им и остался, – иронично усмехаясь, под-

ковырнул его седой адвокат.

– Ну-у, пошло-поехало! Сейчас Петруха начнет свой гнусный пессимизм по всему озеру размазывать, – пробурчал Толик.

– А что, я не прав, может? – разошелся Петя. – Заграбали все ресурсы в свои жадные частные руки, уже ни одна отрасль не развивается, кроме добычи нефти и газа. А мы только молча сопли жуем, отсчитывая мелочь на проезд в своих дырявых карманах.

– Ладно тебе, Петя-петушок! Раскукарекался тут, настроение только портишь, – притормозил его разглагольствованная лысый лидер. – Плохо ли тебе живется? Сидишь на приличном окладе, протирая штаны в своем кабинете, а еще чего-то фунькаешь тут. Я вон давно спокойно спать не могу, боюсь, тюрьма по мне плачет. Начальство заставляет вести двойную, а то и тройную бухгалтерию. Не хочешь, мол, рисковать – увольняйся, бухгалтеров нынче как грязи. Толян тоже боится под сокращение попасть. Кому мы нужны со своим предпенсионным возрастом? Висим, болтаемся, как три сопля над пропастью, а до пенсии-то еще ого-го сколько. О политике поговорили, и будя! Пора теперь о чем-нибудь другом. Че сидишь, давай по чуть-чуть перед ухой-то! – командным тоном предложил он Толику.

– Поговорили, называется! – пересаживаясь поудобнее, продолжал брюзжать Петя. – О чем другом-то, бюстгалтеры лысый? Лучше не сыпь мне соль на рану, а то я сразу бе-

шеним становлюсь.

– Ну хватит уже, Петро, в самом деле! – снимая котелок, нервно хлопая веками, увещевал его Кощей Скелетович. – Никто же с тобой не спорит, все солидарны. Че толку из жи-то вылазить, если от нас все равно ничего не зависит?

– Действительно! Че ты сразу завелся-то с полуоборота? Меняем пластинку, давайте побазарим о чем-нить другом. О музыке хотя бы. – Валера эмоционально жестикулировал, держа наготове малосольный огурец в одной руке и помидорину в другой. – Ах, хороша ушица! А ты чего, Толян, себе ухи-то не положил? Готовил, готовил, а сам не ешь?..

– Ну, о музыке так о музыке, – подставляя свою кружку под разлив, с расплывшейся уже хмельной улыбкой во все лицо согласился Петр. – Чего так помалу плескаешь? Лей больше, пока моя жена не видит. Что-то меня от одного запаха этой водяры всего передергивает. Из-за одного глотка даже морщиться не хочется.

– Мне, например, уже все эти Киркоровы с Басковыми надоели – во где сидят, – откровенно признался Толя, разливая по третьей, – хуже горькой редьки стали. Как только увижу их рожи по ящику, сразу канал перещелкиваю. Ну, за тех, кто в море! Аххрь, хорошо прошла! Что-то я уже и ухи не хочу, объелся. Потом попробую, когда малость кусочки в животе улягутся, – закусив кружком колбасы, объяснился Толик. – Тебе бы, Валера, скупнуться не помешало. Скользящий весь стал, как жаба. Я тоже сейчас окунусь, пожалуй.

– Че ты ее обоняешь? Выпил залпом, не нюхая, – и все дела! – учил правильно пить водку бухгалтер Валера адвоката Петю. – Посмотришь, как ты пьешь, и никакой водки уже не захочешь.

Поднося ко рту кружку, Петя несколько раз передернулся. Наконец, брезгливо сморщившись, замахнулся он выпить залпом, но поперхнулся и закашлялся. Из ноздрей сразу выдулись пузыри, из глаз потекли слезы, а изо рта – слюни.

– Фу-у, какая гадость противная! – размазывая ладошками по лицу свои выделения, ругался он, скривив физиономию так, словно соляной кислоты проглотил. – Зараза поганая, аж из ушей, кажись, потекла. Все равно я тебя, гадина, в нутро запихаю. – Он выпил остатки со второго захода. – Какую же отраву стали делать – в рот не вломишь. На конском навозе, что ли, настаивают?!

– Да ты и по молодости всегда так пил, никогда в тебя хорошо не лезло, – упрекнул его толстый главарь банды. – На заводе всю жизнь работаешь, а пить так и не научился.

– Ну ты, учитель, шибко умным стал, как я погляжу, – огрызнулся Петя. – Ответь мне тогда, раз уж ты вумнее вутки. Кто вот эту песню поет, а то я забыл? В ней и смысла даже никакого нет, два слова всего повторяются, а музыка ритмичная такая, приятная, ноги сами в пляс так и бросаются. Он там поет: «Позищен намба ван! Девочка моя, где ты? Девочка моя, где ты?», – И стал пританцовывать на травке в такт своей мелодии.

– Ха, кто ж эту песню не знает? Это Кай Метов поет. Называется «Милая моя, где ты?», – едва выговорил набитым ртом пузатый бухгалтер.

– Ага, и я ее слышал! – поддакнул Толик, замурлыкал мотив и тоже затанцевал длинными ногами вокруг костра, виляя с большой амплитудой своим худым тазом.

С усилием воли поднялся с позы Будды и толстяк – встал для этого сначала на коленки, попутно схватив со стола вареное яйцо. «Милая моя, где ты?» – забасил он и поскакал лезгинкой вокруг костра, с гордостью тряся своим огромным брюхом. Петя, уже порядочно пьяный, с заплетающимися ногами, мог танцевать только плечами и головой, которая моталась у него на шее, как на веревке.

– Позищен намба ту! Милая моя, где ты? – заорал в экстазе Кощей Скелетович и еще больше увеличил амплитуду качания худых бедер, изображая вращение на них хулахупа. Старые плавки, растянутые у него снизу до такой степени, что того гляди все хозяйство вывалится, спадали с тощего тазобедренного сустава, он их постоянно поддегивал, продолжая танцевать вместе с друзьями детства вокруг костра.

Оргия продолжалась минут десять. Вся троица горлопастила припев совершенно в разных тональностях. Получилось трио под названием «кто в лес, кто по дрова», но всем нравилось, все танцевали кто как умел, перемещаясь вокруг костра. Петя-Винни-Пух вприпрыжку на соломенных ногах тряс головой так, что она готова была оторваться от шеи и

укатиться в озеро, Кощей Скелетович в постоянно сползающих плавках крутил хулахуп, тряся кулаками на вытянутых руках, а лысый Мамонт выделявал лезгинку в семейных с цветочками трусах по колению, пошитых по индивидуальному заказу специально для слона.

– Фу-у! Ну все, тема музыки закрыта! Умаялся я уже что-то. – Главарь плюхнулся мощной задницей в пяти сантиметрах от сервированного стола и, усевшись опять в любимую позу Будды, сразу начал накладывать закуску себе на пузо. – Классную дискотеку устроили, жаль видеокамеру никто не захватил. Потом бы поржали.

– Уй, я над тобой угорал, как ты пузом тряс, чуть не обдулся со смеху, – присел на корточки к столу Толик, подпернув плавки. – А Петька-то совсем с ума спятил. Я уж бояться начал, как бы у него седая башка не оторвалась.

– Ну че, еще по одной дерябнем да пойдем скупнемся, что ли? – предложил турецкий татаро-монгол, нарезая копченой колбасы.

– Не-е, я пас, – отказался Толик. – Че-то в такую жару и пить даже неохота.

– Я тоже че-то не хочу, не лезет, гадина, – сморщил физиономию Петя. – Когда рыбачить-то начнем? Только пьем, жрем да языки чешем.

– Во дает рыбак! – улыбнулся Валера. – Ты че сюда, за рыбой, что ли, приперся? Рыба в магазинах водится, а мы здесь, чтобы счастье вдыхать. Иди, рыбачь, кто тебе не да-

ет? Ну вы и компаньоны! Три здоровых мужика, а один пузырь доделать не можем. Че же, мне одному, что ли, пить? – Недовольно поглядывая на недопитую бутылку, лидер стал все сворачивать со стола. – Ладно, отложим до вечера тогда. Айда рыбачить!

– Петро, ты куда закинул? Сейчас же наши лески запутаются, сам тогда распутывать будешь. Места тебе мало, что ли? – стоя с удочкой по пояс в воде, ругался Валера.

– Че ты возникаешь-то? Сам же ко мне залез, я давно в это место кидаю, – парировал Петя.

Процесс рыбалки пошел полным ходом. У главаря уже обгорели на солнце плечи и грудь. На лысину он надел шляпу из газеты. За пару часов каждый наловил килограмма по два карасей с окунями.

– Тьфу, проклятье! У меня за корягу, похоже, зацепилось. Из-за вас все, заболтали меня, – заворчал Толик. – И че теперь? В воду лезть, отцеплять? Пиявок своей кровью кормить? Ну уж нет, лучше я леску оборву, у меня запасная удочка есть.

– Дай-ка сюда, рыболов! – выхватил у него удочку Валера. Стал водить удилицем в разные стороны, потягивая и легонько дергая леской. – Оп-па, пошла коряга, кажись! Сейчас вытянем. – Он стал потихоньку вытягивать. – Тяжелая, гадина, как бы леска не оборвалась. Эх, мать честная! Щука! Это же щука попалась, братцы! Вот чудо-то, щука на червя клюнула.

– Вот это фокус! – обрадовался Толя. – Надо ей в пасть заглянуть. Наверняка она какого-нибудь малька заглотила. Огромная-то какая, килограмма на два.

– Ага, на десять! – возразил толстяк. – На полкило, не больше, щуренок совсем. Это так кажется, когда из воды вытягиваешь...

Вдруг Мамонт с удочкой начал откровенничать:

– Не знаю как вы, мужики, но лично у меня – только, чур, между нами – за эти годы совместной жизни на повседневный вид своей Тamarки настолько уже глаз замылился, что никакой реакции в сознании не возникает, даже когда она в одном неглиже по квартире расхаживает. Представляете, она в одних трусиках и лифчике, а мне хоть бы хны.

– За потенцию свою беспокоишься? Не пукай, Халера, это с мужиками часто! Приелась просто, – откликнулся Винни-Пух, стараясь строить из себя бывалого. – Со мной сто раз такое случалось. Эх, нам бы сейчас сюда тройку дурочек в купальниках лет тридцати пяти, я бы посмотрел у тебя под пузом, какой ты импотент.

– Я тут недавно телепередачу по каналу Дискавери смотрел, – взял слово овдовевший Кощеюшка. – Там какое-то племя аборигенов из Папуа-Новой Гвинеи показывали. Дикае люди! Представляете, все бабы у них там вообще без лифчиков бегают, в одних набедренных повязках, – и ничего! Их мужики – страшные такие все, низкорослые, еще худее меня – даже глазом на это дело не ведут, будто так и

надо. Срам-то какой! Наверное, у них уже мозоль на глазах от такой порнографической картины образовалась. Как раз в это время леща копченого ел. Их наготу увидел, аж кость в горле застряла. «Эх, – думаю, – повезло кинооператору с командировочкой! Меня бы туда, вождем племени».

– Во-во, у меня то же самое в последнее время происходит, что и у этих страшных мужиков-аборигенов, – чистосердечно апеллировал к друзьям Валера. – Че-то здесь не клюет совсем. Эй, Толян, у тебя там клюет хоть че?

– Иди сюда, я здесь прикормил, половину батона искрошил. Жор идет – успевай закидывать только, – позвал друга Толик. – Ну и че дальше про Тамаркины трусы-то? Она у тебя ничего, интересная женщина, видел однажды.

– Видел? И когда же ты ее видел, интересно спросить? – сразу взъерепенился пузан.

– Давно, в прошлом году еще. Ты меня в тот день в шахматы пригласил поиграть, помнишь? – вспоминал Толик. – Я пришел, а ты как раз в это время в ванной был. Она предложила пройти в твой кабинет. Раздевался в прихожей, а дверь в вашу спальню открытая была. Ну, а там твоя Тамара как раз в одних трусах и лифчике чулки натягивала. Я тогда чуть на задницу не сел от такого зрелища. Пялился на нее с выпученными глазами, аж рот у меня сам собой расклебянился. Забыл даже, зачем и пришел. Что самое интересное, трусы-то на ней были точь-в-точь как у моей покойной Глаши – обыкновенные семейные трусы, розовые в горошек. Они,

похоже, маловаты ей уже были, обтянули все, в тела врезались. Да и лифчик тоже, хоть и самый большой размер, а бюст все равно весь наружу вылезал. Я тебе тогда не сказал, постеснялся. А че тут такого-то? Подумаешь! – Кощей Скелетович создал на своей физиономии маску обиженного.

– И на че там было пялиться, интересно? Трусы как трусы, многие в таких ходят. Мода, видать, у них на такой фасон пошла, – удивился Валера. – Давай колись, это на что такое ты тут намекаешь? – начал напирать на друга ревнивый муж. Толик уже и сам не рад был, что проговорился.

– Да ни на что я не намекаю, – стал он оправдываться. – Просто у моей Глаши точь-в-точь такие же трусы были. Она же у меня худенькая, и грудь у нее не такая большая, как у твоей Тамары. На моей эти трусы всегда висели, как вот эти плавки на мне. А у меня тогда тоже, как ты говоришь, глаз уже на Глафиру замылился. Дело-то, оказывается, вовсе не в трусах, а в том, как они на женщине сидят. Когда по моей просьбе Глаша купила себе такие же трусы, но на пару размеров меньше, она уже стала выглядеть как твоя Тамара – облегающе. Понял? Ты попроси свою, чтобы она купила трусы большего размера, и увидишь тогда, какой эффект будет.

– То есть ты хочешь сказать, что все дело в трусах? Вернее, в размере этих трусов? – начал успокаиваться толстый ревнивец. – А что, может быть! Надо будет попробовать. Спасибо, Толян, за совет!

– Вы че, недоумки? – вмешался в разговор уже давно про-

трезвевший Петя. – При чем тут какие-то трусы, не понимаю? Мне вот вообще по барабану, в каких она трусах. Все равно они лишние.

– Эх, е-мое! Это чегой-то на мне такое? – удивленно воскликнул Валера, выйдя из воды, чтобы насадить свежего червя. – Пиявки присосались! Мать честная, сколько их тут! А я-то думаю, чего у меня так ноги чешутся? Всю кровь высосали, вампиры! Ну все, больше я в воду не полезу, с берега ловить буду.

– Не сдирай, Валера, сейчас они запьянеют от твоей крови. В уматину будут, сами отпадут, – засмеялись над ним мужики.

– Ну че, не созрели еще для чарки, рыболовы? – заинтересованно закинул удочку друзьям лидер. – Пора бы и перекусить, а то я что-то уже жрать захотел, грубо говоря. На голодный желудок что-то и рыбалка не в радость идет.

Они снова накрыли стол на травке, разлили по соточке, закусили.

– А вот ты, Халера, какой секс любишь, быстрый или медленный? – спросил вдруг Петя после чарки.

– Я? Я всякий люблю! – немного подумав, уверенно ответил главарь. – Секс – он секс и есть, хоть медленный, хоть быстрый! – изрек неопровержимую истину турецкий татаро-монгол.

– Тю-у, лапоть деревенский! – махнул на него рукой Винни-Пух. – Вот ты и за столом себя так ведешь – лишь бы

нажраться побыстрее до отвалу и на боковую, – рассуждал знаток правильного секса. – Надо же не торопясь, постепенно, каждое блюдо сначала немножечко попробовать, посмаковать, ощутить всю прелесть вкуса, ткскзть, – закатил он глаза мечтательно.

– А хрен ли тут смаковать-то? Я ща еще соточку махну и один весь этот общий стол опустошу, – заржал своим густым басом Мамонт. – И все равно голодным останусь. Бабы любят сильных, а сильные любят пожрать!

– Вот и поговори с этим животным о прекрасном, – возмутился седой адвокат.

Уже вечерело, подул свежий ветерок, клевать стало плохо. Рыбаки уложили в куканы свои уловы и положили в воду у берега, рядом с водкой. Прибрали поляну от мусора, натаскали сушняка для будущего костра и приготовились ставить палатку.

– Смотрите, едет сюда кто-то! – пропищал своим голоском Петя, тыкая кривым пальцем в сторону шоссе. – Кого это нечистая сюда тащит, интересно? На «Лендровере», похоже, катят.

Этот гнусавый возглас застал всех врасплох. Троица сразу побросала свои дела и уставилась на подъезжающих гостей. Джип остановился метрах в пятнадцати от лагеря рыболовецкой артели, из него вышли две женщины бальзаковского возраста. Мужики пулей бросились напяливать на себя штаны.

– Привет рыбакам! Ну как здесь, клюет? – спросила высокая блондинка в коротеньком сарафанчике, подол которого прикрывал ее трусики сантиметров на восемь.

Минуты три мужики стояли с открытыми ртами, часто моргая глазами, ставшими размером с монету в один доллар Томаса Джефферсона. Специально скорчить более глупое выражения лица никто из них не смог бы при всем желании. Они посмотрели друг на друга, как бы спрашивая: «Откуда такое счастье привалило?»

– Алле, гараж! Вы че, глухонемые? – Женщины стали подходить ближе. – Мы тут хотим пикничок с ночевкой устроить рядом с вами. Вы как, не против? Бухать с нами будете?

Мужики снова переглянулись, стоя на полусогнутых ногах, но продолжали молчать, словно языки проглотили. Наконец главарь маленько очухался и жадно сглотнул.

– А вы что, одни? – самопроизвольно вылетел из него животрепещущий вопрос. Перестав узнавать свой вдруг осипший голос, Валера на всякий случай прокашлялся в кулак. – А где ваши... гм... извиняюсь, мужчины?

– А-а, вон что вас тревожит! – заулыбалась длинноногая блондинка. – Не беспокойтесь, наши козлы дома остались, стиркой занимаются, а мы с Натахой вот решили ночку на природе провести. Не поможете нам провиант выгрузить?

– Вот это мы влипли, пацаны! Канать надо скорее отсюда, – зашептал в панике Петя, таская из машины чужие коробки. – Задом чую, скоро их мужики сюда нагрянут. При-

ревнуют, не дай бог, поздно будет тогда!

– Ага, а куда канать-то? Они на машине, далеко не уканашь! – удивил Петю своей рассудительностью Толик.

– Да вы не бойтесь нас, мужички! Мы бабы тихие, не кушачие, – засмеялась вторая дама, брюнеточка Натаха, чуть пониже ростом и немного старше первой леди.

– Куда ж вам столько еды-то? Тут на целую неделю хватит, – осмелился спросить лысый главарь.

– Сейчас еще три девахи подъедут. Торжество у нас, Натаха с зоны сегодня откинулась. От звонка до звонка весь пятерик оттянула, обмывать будем, – радостно объявила блондинка, ничуть не сомневаясь, что эта новость окажется такой же радостной и для мужиков рыбопромысловой артели. Но от этого радостного известия у всей троицы резко подкосились ноги в коленях.

– Поздравляем вас, мадмуазель! – прогнусил Петя. – А мы как раз удочки собирались сматывать. Второй день здесь торчим, нарыбачились по самые уши. Нас дома жены ждут, мы ж семейные, ткскзть.

– Вы че как неродные, мужики? В штаны навалили, что ли? Ну выпейте хоть по стакану за Натахину свободу, – пристала к ним блондинка в коротеньком халатике.

– Ни-ни, никак не можно, а то на автобус опоздаем. Так что извиняйте, милые дамы, в другой раз как не то, – корча из себя придурка, пропищал адвокат. – Ну че стоим-то? – обратился он к мужикам, продолжающим стоять истуканами

с открытыми ртами. – Опоздаем ведь!

– Надо же, как за эти пять лет мужики изменились! – удивилась освободившаяся из мест не столь отдаленных красotka Натаха. – А то остались бы еще на ночку, вам с нами пяттерыми весело было бы.

После такого предложения мужики за считанные минуты смотали удочки, упаковали свои рюкзаки и рванули так, что только пятки засверкали. Шесть километров по бездорожью с тяжелыми рюкзаками за спиной они покрыли марафоном за каких-то полчаса, ни разу даже не оглянувшись. Только уже на автобусной остановке троица смогла перевести дух.

– А чего мы убежали-то, мужики? А? Баб каких-то испугались, – удивлялся Валера больше самому себе, вытирая обильный пот со лба. – Так драпанули, что две непечатых бутылки водки и весь свой улов в воде у берега бросили.

– Щуренка жалко! Впервые в жизни щуку поймал. Я еще и очки свои там где-то оставил, – жаловался Толик. – Курицы какие-то, явно не из нашего курятника, шибко уж наглые. А та беленькая курочка-то ничего была, как раз под мой рост, – заулыбался он, став похожим на эскимоса.

– Ну дык, может, вернешься тогда? – возмутился Петя. – Я, можно сказать, вас, придурков, от рабства спас. Посмотрите на себя, один – лысая вздувшаяся опухоль, другой – шкелетина плешивая. Гиганты секса!

– Ну ты, Петя, артист! Герой! Быстро в ситуации сориентировался. Респект тебе и уважуха! – пожал ему руку Кощей

Скелетович. – Че бы мы без тебя делали?

– Кто их знает, чего у них на уме? – усевшись на травке в теньке за деревом, размыслил толстяк. – Да и рискованно, на винт можно легко намотать. Нет уж, в нашем возрасте от таких женщин одни проблемы. Хрен с ней, с твоей щукой! Можно считать, еще легко обделались. Че бы такого мне теперь своей Тамарке наврать, почему я без рыбы приехал?

– Если правду скажешь – или не поверит, или засмеет, – советовал своими рассуждениями Толик. – Скажи лучше, что вернулись досрочно, потому что не клевало совсем. Рыба, мол, в озере вся сдохла.

* * *

За несколько дней до Нового года троица собралась в квартире вдовца на мальчишник, дабы подвести итоги года и поздравить друг друга с наступающим новым счастьем. За кухонным столом, сервированным разнообразными закусками, выпили за уходящий.

– А помните, как летом мы от молодых девок с рыбалки драпанули? – улыбаясь во весь рот, спросил друзей Петр Николаевич. – Вот же мы придурки, от такого удовольствия сломя голову убежали. Эх, сейчас бы их сюда!

– Да уж! Такая везуха нам теперь вряд ли когда подфартит, – с печалью проговорил хозяин квартиры. – Лоханулись по полной. А все из-за тебя, между прочим. Это ты сразу в

панику-то бросился, и нас с Валеркой своим страхом заразил.

– Да полноте вам! Тоже мне, хахали нашлись! – наливая в рюмки, взял слово лидер. – Не от них мы бежали, а исключительно от самих себя. Все, отпердели мы свое, братишки. Видать, дожили-таки до мудрого возраста, когда не только сознание, но и самый главный орган чувств, заднее место, приказывает бежать от всякого грешного соблазна. Я и от лопатника, набитого баксами, лежащего на лавочке в пустынном сквере, точно так же бы сиганул. Уверен, верни сейчас сюда тот момент, мы поступили бы тютелька в тютельку. Предлагаю, пацаны, выпить за эту рыбалку, обозначившую наш переход в мудрый возраст!

Игорь Кощев

Рожки да ножки

Приключилась эта история в мою первую поездку «на картошку», в которую таких, как я, желторотых первокурсников лет сорок-пятьдесят назад отправляли пачками. В помощь советским колхозам и совхозам с целью наполнения закромов нашей родины. В те прекрасные времена две вещи были незыблемы в нашей стране – это поход 31-го декабря дружной компании Жени Лукашина в баню и осенний променад всех работников умственного труда, вкуче с учащимися ВУЗов, для сбора урожая хоть чего-нибудь. Сталевары и шахтеры были освобождены от данной повинности, а вот интеллигенция да студенты, как считало наше правительство, вполне могли месячишко без ущерба для плановой экономики потусить на колхозных угодьях.

На югах закрома родины наполняли сплошь арбузами да персиками, на северах студентам везло меньше – обычно это была какая-нибудь брюква или морковь.

И вот привезли нас, группу молодых да резвых, в какой-то дальний колхоз. В спортивном зале местной школы, где планировалось размещение, прямо перед нашим визитом провало трубы, и пришлось руководству распихивать всех по частным дворам. Меня и еще четверых сокурсников посели-

ли к бабуле, которую, конечно же, звали баба Нюра.

Жила баба Нюра на дальнем конце села, рядом со старым кладбищем. Как по секрету сообщил нам школьный сторож, узнав, что нас к ней определяют, гнала баба Нюра чудесный самогончик, в чем мы смогли убедиться в первый же вечер нашей картофельной эпопеи.

Каждый раз, как расквартированные студентики обосновывались у нее на постой, в первый же вечер где-то после третьего стакана чудодейственного пойла, расправив крылышки и развязав языки, обязательно начинало младое племя заводить разговоры на тему находящегося поблизости старого кладбища. Наша прибывшая пятерка была образцово-показательным срезом всех первокурсников всех высших заведений Советского Союза. Поэтому, сам того не подозревая, ровно после третьего стакана удалой верзила Леха, не нарушая устоявшихся традиций, спросил, имитируя обращение бугая (Смирнов) к прорабу (Пуговкин) из фильма «Операция Ы»:

– А что, баб Нюр, на кладбище вашем какие-то страшные истории случались?

И баба Нюра скрипучим голосом поведала нам рассказ про черта, бродящего ночами в ожидании заблудших душ. Решит, мол, человечек дорожку сократить, чтобы быстрее попасть на другой конец села, свернет ночью, пойдет меж могилки и вдруг услышит где-то рядом, не то спереди, не то сза-

ди, цоканье копыт. Цок-цок-цок, цок-цок-цок. Остановится человек, обернется, оглядится по сторонам – ан нет никого. И тут услышит человек, как зовут его. По имени зовут. И голос чей-то знакомый вроде. Кто жены слышит, кто друга своего закадычного. Только голос этот вроде как и не егошеньки. Как с того света голос. Из-под земли идет: хриплый такой да мерзкий. Прибавит человек шагу, чуть ли не бегом побежит к выходу. А цоканье от его торопливости никуда не пропало, все так же где-то рядом. И все ближе и ближе. Ближе и ближе. И когда вроде вот он уже, конец кладбища, и человек рад-радешенек, – оп, проваливается он в свежерытую могилку, из которой выбраться самостоятельно уже так и не сможет. И находят человека тока утром. Все-го седого, потерявшего память и разум. Так что, ребяташки мои городские, не советую я вам подобру-поздорову на старое наше кладбище ночами ходить. Не спит нечисть рогатая. Шастает по округе в ожидании жертвы новой. Не буди лихо, пока оно тихо.

Были мы все передовыми комсомольцами восьмидесятых, авангард партии, так сказать, возвращенные родителями, строившими метро и запускавшими ракеты в космос. Им доложили: ни тут ни там нет ни бога, ни черта. Представили мы Леху, имевшего метра два роста и косую сажень в плечах, убегающим от кого-то ночью, посмеялись, подтрунивая над деревенскими предрассудками, да начали обсуждать девчонку, что прибыли с нами вместе «на картошку».

А где-то через часик приспичило мне по нужде. Баба Нюра спала уже за занавеской на печке, и решил я, что самостоятельно смогу отыскать дворовый нужник. Вышел на улицу – тьма кромешная. Побродив в темноте меж сарайчиков и курятника и не обнаружив нигде постройки, похожей на туалет типа «сортир», я решил отойти в лесок. Конечно, я был несколько пьян, но справлять нужду на участке мне все еще не позволяло воспитание.

Только закончил я свои дела, как услышал поблизости: цок-цок-цок, цок-цок-цок.

Я сначала прислушался, но потом решил, что просто бабулин самогон решил поиграть со мной в какую-то игру типа «здесь слышу, здесь не слышу». Застегивая последнюю пуговицу на штанах, я услышал из темноты уже совсем рядом: цок-цок.

Дыхалку перехватило, и волосы пришли в движение на моей голове:

«Он! Тот самый!»

Когда в два часа ночи на заброшенном кладбище в пяти метрах от тебя раздается цоканье копыт, а за час до этого ты слышал душераздирающие истории деревенской бабули...

В поисках спасения, так и не застегнув проклятую пуговицу, я сломя голову ринулся в сторону дома. Но сивушные масла турнепсного первача совершенно смешали в моей голове все внутренние вешки, тщательно расставленные

мной, когда отмерял шаги от дома бабы Нюры. Мой навигатор окончательно сбился и, насколько это было возможно, максимально накосячил с выбором направления. В итоге метров через двадцать бешеного пьяного бега, при котором ноги каким-то образом умудрялись задевать даже уши, я провалился в яму где-то посреди молодой рощицы, раскинувшейся на просторах заброшенного кладбища.

Яма была достаточно глубокая, потому, как мне казалось, летел я бесконечно долго, успев даже представить себя в образе Алисы из сказки. Плюхнувшись на мягкую, словно чернозем, землю, я моментально подскочил, чтобы бежать дальше, но уперся в вертикальную земляную стену. Понял, что выбраться будет не так-то просто, сделал пару шагов назад, приготовился разогнаться и подпрыгнуть, чтобы в полете умудриться зацепиться за край.

Цок-цок-цок.

Скажем так, сердце комсомольца от сердца любого другого человека по своим тактико-техническим характеристикам ничем не отличается. Снаряд этот влетает в район пяток с одинаковой скоростью у обоих. Тот, кто впервые употребил это выражение, явно был чем-то очень напуган, потому что именно так все и происходит. Я даже готов добавить: где-то в пятках оно бешено продолжает колотиться, требуя выпустить его, чтобы слинять еще как можно дальше.

За минуту я вдруг осознал, что вера – одно из главных составляющих человеческого бытия. И нет. Я поверил не в свя-

той дух и непорочное зачатие. И даже не во Второе пришествие. В этот момент я перед всей комсомольской ячейкой факультета готов был признать существование черта, черной руки и даже гроба на колесиках.

Я вдавил себя в земляную стену, съезжился, стремясь максимально уменьшить площадь своего тела: меньше буду – больше вероятность остаться незамеченным. В тот момент я обрел способности хамелеона к мимикрии – думаю, лицо мое приняло цвет земли, в которую я вжался. Отряд фрицев с немецкой овчаркой ярким солнечным днем мог пройти в двух шагах и не отличил бы меня от окружающей местности.

Цок-цок, цок-цок, цок-цок-цок.

Черт накручивал круги где-то поблизости и явно не собирался уходить.

«Почуял человеченку, кажись», – пронеслось в моем заполненном самогоном бабы Нюры сознании, и невероятным усилием воли я родил в себе еще одну сверхспособность – перестал пахнуть как человек.

Цоканье стихло.

Я перестал дышать. Я понимал – настал момент истины. Мне казалось, что я вижу, как черт там наверху оглядывается во тьме, как красные зрачки его шарят вокруг в поиске жертвы, как из ноздрей при дыхании вырываются клубы пара.

Раздалось еще одно «цок», после которого сначала послышался звук осыпающейся с края ямы земли, а через мгновение – звук удара рухнувшего с высоты тела.

Процедив сквозь зубы определение женщин низкой социальной ответственности, я потерял сознание и сполз на дно.

Очнулся я оттого, что почувствовал – кто-то из темноты на меня пристально смотрит. К сожалению, амнезии со мной не случилось, я помнил все: и самогончик под вареную картошечку, и рассказы бабы Нюры, и свою неудачную вылазку в поисках нужника. Помнил и про падение в тщательно расставленную ловушку. Одного я только еще не знал – забрали уже у меня мою бессмертную душу или сия экзекуция еще только предстоит?

С минуту полежав на спине, решив, что если не забрали, то так просто не дамся и еще повоюю с демоном ада, я открыл глаза. Глубина ямы не позволяла ничего разглядеть вокруг. Высоко-высоко перемигивались звезды. И тишина.

Я приподнялся на одном локте, вытянул в сторону руку, чтобы на ощупь проверить пространство вокруг себя. Прощупывая окружающую темень, словно эхолот дно, я за что-то ухватился. Холодное. Твердое. Начал ощупывать более тщательно.

И тут я понял, что я схватил. Это был рог.

– Черт, – обреченно молвил я. Глаза потухли, я закрыл их и приготовился к вечным мукам.

В ответ черт сказал «бе-е-е» и мотнул головой, пытаясь избавиться от моей руки.

Атеизм и вера в идеалы коммунизма мгновенно верну-

лись ко мне. А вместе с ними и надменное высмеивание древних суеверий. Мне стало стыдно, что я, советский комсомолец, поступивший на «физмат» с одними пятерками, повелся на рассказы какой-то деревенской старухи.

Тихо посмеиваясь над собой, я погладил грозного «черта» по голове:

– Да я чуть не обделался из-за тебя. Дуреха, ты-то что здесь делаешь?

В гендерных вопросах козлиной братии я был не силен, но почему-то решил, что моим невольным соседом стала особь именно женского пола.

Но коза явно сама ошалела от случившейся оказии и такого стремительного, правда недолгого полета. Ее мелко трусило, она жалась ко мне, тыкая, словно кутенок, свою рогающую мордочку мне под мышку.

Из ямы выбраться оказалось не так просто. Она точно не была свежавырытой могилкой. Скорее всего – обычный карстовый провал. До края было метров пять, не меньше, а земля была такой рыхлой, что сделать в боковых склонах хоть какое-то подобие отверстий для упора под ногу не получалось.

Я орал на все кладбище в надежде, что мимо будет проходить селянин, который услышит меня и придет на помощь. Орал и понимал, что если бы я в это время проходил мимо кричащего меня, то за секунду смазал бы свои пятки жиром

и вдобавок плеснул бы еще скипидара пониже спины, чтобы придать телу нужный разгон в противоположную сторону.

В ту ночь я на своей шкуре в полной мере осознал, откуда растут ноги у большинства кладбищенских легенд.

Между тем мои товарищи были полностью во власти турнепсного Бахуса и не подозревали о моем исчезновении.

Где-то через час, окончательно сорвав глотку так, что мог лишь хрипеть, я смирился со своей некромантской долей, опустил на рыхлое дно и заговорил с невольной сиделицей:

– Ну что, давай знакомиться...

Где-то еще через час я услышал со стороны двора бабы Нюры:

– Ва-а-ся-а-а! – зычный Лехин голос вселял уверенность в скором освобождении и, казалось, смог бы разбудить всех покойников на этом кладбище.

Я попытался прокричать что-то в ответ, но изо рта вылетали только звуки, напоминавшие горловое пение алтайских шаманов, у которых плохо со слухом.

К моей радости, товарищ не оставлял надежды, продолжал поиски и, судя по всему, постепенно приближался к яме.

– Я здесь! Я здесь! Леха! Здесь я! – неустанно хрипел я, встав на носочки и стараясь посылать издаваемые мной звуки максимально вверх.

– Ва-а-ась, это ты? – донеслось уже где-то совсем близко. – Я вроде слышу тебя. Ты где?

– Леха, – отозвался я хрипом. – Я тут. Осторожно, здесь яма. Я провалился. Уже пару часов как сижу.

На фоне звезд появилась заслонившая половину неба темная фигура Лехи, стоящего на четвереньках и пытающегося разглядеть, что на дне:

– Ни хрена себе! – Лехин бас практически придавил меня ко дну ямы. – Ты здесь, Васек?

– Да здесь, здесь, – радостно прохрипел я.

– А с голосом что?

– Охрип. Два часа орал, как потерпевший. Словно вымерли все в округе. Ты аккуратно, не упади. Глубоко очень. Веревка нужна. Сбегай, возьми у бабки и прихвати еще кого-нибудь из наших, чтобы помогли, – к концу такого длинного монолога мои голосовые связки, измотанные воплями о помощи, совсем отказывались работать, и окончание его смахивало на хрипы эпилептика.

– Ну хорошо. Я быстро. Ща вернусь, – отозвалась фигура и растворилась в ночи.

– Что, козочка моя, спасение близко, – сказал я моему кладбищенскому побратиму, опустившись рядом на корточки.

Леха, несмотря на габариты, оказался шустрым малым, и достаточно скоро я услышал приближающиеся шаги и голос сокурсника:

– Васе-ек, Васе-ек, ты где, ты где? – Леха голосом нащупывал маршрут, чтобы случайно не провалиться.

– Да, да, да! Я здесь, ты близко, – прохрипел я маячком. Прямо под ноги мне шлепнулся моток веревки.

– Держи. Обмотайся. Ща вытащу.

– В смысле вытащу? – прохрипел я. – Ты что, один?

– Да, один. Сам справлюсь. В тебе веса – что в мешке муки.

– Ну ты, блин, даешь. Ладно. – Я начал готовиться к подъему, обматывая веревку вокруг рук.

Тут я почувствовал легкий толчок рогами в правую ляжку.

– Бе-е-е? – с каким-то упреком и обидой негромко спросила моя сокамерница.

Я вдруг осознал: если Леха сейчас меня вытянет, то как мы потом сможем вытянуть мою новоявленную подругу? Этот вопрос мне напомнил детскую задачку про перевозку козы, капусты и волка с одного берега на другой. В той ситуации решение все-таки предполагалось. В моей я тоже нашел его.

– Ну что там? Готов? – Лехе явно не терпелось побыстрее вернуться к душевной компании и вкусному самогончику.

– Погодь секунду. – Я присел рядом с козой и принялся обвязывать ту вокруг туловища веревкой. – Ну что, родная, полетаем? Вперед! – шепнул я ей на ухо.

Парочку раз дернув за конец веревки, проверил крепость узла:

– Готов, Лех. Тащи! – прохрипел я снизу.

Веревка натянулась, и коза медленно, но упорно стала

подниматься к звездам. Мероприятие это ей явно не нравилось, но то ли от страха, то ли оттого, что веревкой ей сперло все внутренности, она лишь по-старушечьи пыхтела и билась копытами о стены ямы.

Леха к моменту начала поиска был уже изрядно под властью купажного самогончика бабы Нюры, но отменное здоровье семнадцатилетнего детины пока еще переигрывало шестидесятиградусный первач. Тянул он приятеля и не мог разобрать: вроде не таким тяжелым тот казался, но как будто сопротивляется и, вместо того чтобы помогать, упирается в стенки, издавая при этом какие-то подозрительные звуки. Чем сильнее Леха тянул, тем больше приятель сопротивлялся и никак не хотел показываться из черной бездны.

– Помогай давай! – недовольно проворчал Леха.

– Да ты тащи, тащи, – раздался хриловатый смешок из недр. – Скоро уже.

И тут Леха решил мне подсобить.

Присев на одно колено к самому краю ямы, он опустил руку во тьму, пытаясь обнаружить какую-нибудь из частей моего тела, чтобы, ухватив за нее, извлечь друга на свет божий.

В темноте рука наткнулась на что-то твердое и холодное.

Леха начал прощупывать, пытаясь понять, что же это за часть моего тела, которую он ухватил, и насколько будет травмоопасно для меня, если он за нее сейчас дернет. Щуп-щуп-щуп. Что? Рог?

За мгновение рассказы бабы Нюры теперь и для Лехи обрели максимальную выпуклость всех художественных образов: старое кладбище, мерзкий голосишко кого-то из друзей, заманивающий тебя...

– Да ты тащи давай, что застрял? – поторопил я Леху со дна, увидев, что коза подвисла прямо перед краем.

– Ма-а-мочка-а-а-а! – фальцет осоловевшего Лехи пронзил кладбищенский покой.

Он отпустил рог, бросил веревку и скрылся со скоростью, которую лишь через много лет сможет развить Усэйн Болт.

Падающая в яму второй раз за пару часов коза, видимо на всю оставшуюся жизнь запомнила свой вечерний променад. В этот раз, летя вниз и брыкая в полете ногами, она зарядила мне, задравшему вверх голову, копытом точно промеж глаз. Я второй раз потерял сознание, обмяк и мешком плюхнулся на землю. Большого количества нокаутов за один вечер я ни до, ни после того случая, не получал.

В этот раз я очнулся оттого, что горю. Языки пламени лизали мои ладони.

«Я в аду!!!» – пронеслось в голове, и я яростно замахал руками, пытаясь сбить огонь.

Открыл глаза и увидел склонившихся над краем ямы фигуры друзей. Рядом с ними торчали черенки от лопат и вилы: однокурсники приготовились дать нечисти смертный бой. Чтобы выяснить диспозицию врага, они поджигали газету

органа ЦК КПСС «Правда» (это не являлось актом антисоветчины, просто другой газеты у бабы Нюры не нашлось) и кидали горящие листы на дно ямы, стараясь разглядеть, что там, внизу.

Их взгляды и выражения лиц, зловеще подсвеченные горячей в ночи «Правдой», ничего хорошего мне не сулили. В бою с нечистью они явно были готовы стоять до победного конца.

– Это же я, братцы! – почему-то прохрипел я всплывшую в голове фразу Маэстро из фильма «В бой идут одни старики» и вознес обе руки к своим товарищам.

Я был чертовски рад их видеть.

P. S. А коза Дульсинея (это действительно оказалась коза), как впоследствии сообщила баба Нюра, каким-то образом ночами сама отвязывалась и уходила побродить по окрестностям. И особенно любила при полной Луне прогуляться по старому кладбищу.

Все-таки этой бестии что-то было известно...

Дарья Татарчук

Кошка в колодце

Привет! Давай знакомиться! Меня зовут Даша, мне 6 лет. Я живу в городе Саратове, в квартире на 6 этаже. Летом у нас в городе становится очень жарко, ни во дворе погулять, ни дома отдохнуть. Поэтому в этом году бабушка и дедушка решили поехать вместе со мной в деревню. У бабушкиного брата, дедушки Коли, есть там летний дом. Дедушка Коля уже старенький и редко ездит туда, а нам он дал ключи от дома, и уже очень скоро мы приехали в деревню.

Я никогда раньше не была в деревне. Но на картинках в книжке видела, что там деревянные домики с треугольными крышами, и везде ходят куры и козы. А еще в деревне обязательно должен быть колодец. Нам очень повезло – в доме дедушки Коли из окна кухни виден самый настоящий колодец! И мы, и наши соседи очень часто набирали там воду в ведра, а я каждый раз наблюдала за этим.

Как-то раз мы сидели за столом, ужинали, бабушка с дедушкой говорили о делах, которые надо сделать завтра, а я смотрела в окно. Вижу, какой-то мужчина подошел к колодцу. Поначалу все было как обычно, он опустил ведро, затем стал крутить ручку, чтобы поднять его, а потом произошло что-то странное. Мужчина стал бегать вокруг колодца, за-

глядывать в него, а ведро почему-то так и не достал. Вместо этого он подошел к нашему забору и стал махать рукой, как бы звать нас.

– Эй, соседи! Подите сюда!

– Бабушка, дедушка! Нас зовут! – сказала я.

– Что там случилось? – поинтересовалась бабушка, и мы троим тут же вышли во двор.

– Соседи, у вас ведерка воды лишнего не найдется? А то я ведро в колодец уронил, достать ничего не успел.

– Да, конечно! – сказал дедушка и пошел в дом за водой. У нас она всегда была в запасе.

– А что с ведром делать? Новое вешать? – спросила бабушка.

– Нет пока, – ответил сосед. – У дядьки моего «кошка» есть, я у него завтра с утра возьму, брошу ее в колодец, может получится достать. Если ж нет, то новое ведро куплю.

Дедушка вынес воды соседу, они еще о чем-то говорили, но я уже ничего не слышала. Я только и думала что о несчастной кошке, которую будут бросать в колодец.

И почему бабушка с дедушкой не стали отговаривать его? Они же любят животных, соседских кур с гусями кормят, никогда не обижают никого. Тут такое страшное дело намечается – кошку в колодец бросать! А они молчат. Странно это. Может, бросать кошек в колодец – это обычай такой деревенский? Ведь люди пускают кошек в новые дома, может и тут что-то похожее? Например, ласковая кошка должна за-

добрить дух колодца, чтобы он вернул ведро? Но ведь она же там замерзнет и захлебнется! Нет, я не могу допустить такую жестокость! Я должна спасти кошку любой ценой!

Я стала придумывать план. Этот живодер придет к колодцу утром, значит, мне надо встать как можно раньше, до рассвета. В деревне все всегда рано просыпаются, и, если проспять, можно не успеть спасти кошку. Итак, это первый пункт плана. Над вторым надо подумать. Как я буду спасать ее? Может, просто уговорить его сразу купить ведро и не жертвовать невинным животным? А если не согласится? Надо напасть на него и заставить выпустить кошку из рук. Вот это мне уже нравится. Так я и сделаю!

Я еще долго не могла заснуть, представляя, как буду спасать бедную кошку. Но утром, открыв глаза, я поняла, что провалила первый пункт своего плана – рассвет уже давно наступил, и проснулась я даже позже обычного.

Тут же вскочила с кровати и побежала на кухню, к окну.

– Выспалась, соня? – улыбнулась бабушка.

Но я сразу начала о своем:

– Кошку уже бросили в колодец?

– Нет еще, задерживается он что-то. Нам уже самим воду надо набирать.

– Это очень хорошо! – обрадовалась я и, как была, в пижаме, побежала к колодцу.

Спряталась за ствол березы, которая росла рядом с ним, и стала ждать. Сосед пришел очень скоро, бабушка даже не

успела понять, куда я делась. В руках у соседа был мешок, в котором, конечно же, сидела кошка. Я подождала, когда мужчина поравнялся с березой, резко выскочила из своего убежища прям на соседа и стала его щекотать. От неожиданности он выпустил мешок из рук, но почему-то никакая кошка из него не выбежала, а мужчина очень громко выругался словом, которое мне ни в кое случае нельзя повторять, и стал прыгать на одной ноге. Я испугалась и снова спряталась за березу.

– Ты что творишь, девчонка? – крикнул он. Судя по его лицу, ему было очень больно, как будто на ногу упало что-то тяжелое.

– Кошку спасаю, – прошептала я себе под нос.

– Какую еще кошку? – кричал сосед.

– Которую вы в колодец бросать собираетесь! – ответила ему. Я вспомнила, что делаю хорошее дело, и голос стал посмелее.

– Совсем, что ли? Я ногу отшиб из-за тебя! – все еще кричал сосед.

Тем временем бабушка заметила, что у колодца творится что-то неладное, и вышла к нам.

– Что у вас случилось? Помощь не нужна? – спросила она.

– Нет уж, сам справлюсь! Внуку только уведите, а то кошку она спасает! – И тут сосед достал из мешка... три соединенных вместе крючка, прикрепленных к длинной цепи.

Бабушка мне потом объяснила, что это приспособление

так называется – «кошка», потому что крючки цепкие, как кошачьи коготки.

Меня наказали за то, что я испугала соседа и уронила эту тяжелую железяку ему на ногу. Но я не расстроилась. Главное, что ведро достали и ни одна кошка при этом не пострадала.

Эдуард Нейбург

Смех во время коронавируса

Этот случай просто поразил меня – автора. И если бы о нем рассказал не сам участник этих событий, то я не поверил бы. Впрочем, посмотрите сами.

Еще до такой напасти, как коронавирус, я познакомился в парке с пожилым человеком – лет семьдесят с небольшим, среднего роста, седой, худощавый. Он был интересный собеседник, и наша большая разница в возрасте совсем не ощущалась.

Потом, когда был введен карантин из-за пандемии, я перестал ходить в этот слишком оживленный парк, и мы стали общаться с ним по интернету. При этом неожиданно оказалось, что он почти не изменил своего образа жизни, хотя по возрасту и находился в группе риска.

Меня удивила его безбоязненность заразиться, и было решено выяснить у него – в чем же дело.

И вот что поведал мой знакомый.

* * *

Когда-то я увлекался всякими оздоравливающими методиками, и мне попала на глаза книга американца Нормана

Казинса: «Человек, рассмешивший смерть». Суть ее в том, что он заболел очень редкой болезнью – коллагеноз, и врачи просто опустили руки. Таким образом он, полный сил и энергии журналист, оказался настолько неподвижным, что не мог даже разомкнуть челюсти при еде.

И тогда он с помощью сиделки взялся за труды известных медиков и ученых и обнаружил то, что искал: Зигмунд Фрейд называл юмор уникальным проявлением человеческой психики, а смех – не менее уникальным средством лечения.

Оказывается, под действием смеха в мозгу выделяется вещество, похожее на морфий. Оно становится своего рода внутренней анестезией, помогает организму расслабиться и одновременно мобилизовать силы для борьбы с болезнью. Эти так называемые гормоны счастья – эндорфины – улучшают функцию иммунной системы.

И тогда он полностью погрузился в мир юмора. Когда болеутоляющее действие смеха заканчивалось, он, опять же при помощи сиделки, вновь смотрел комедии или слушал юмористические рассказы.

Казинс смеялся в день не менее шести часов. Его глаза опухли от слез, но это были слезы выздоровления. Результат был ошеломляющим. Через неделю у него исчезли боли, а через месяц он начал двигаться. Дозы лекарств стали снижать, а со временем он совсем прекратил принимать лекарства, в том числе и снотворные.

Месяц от месяца подвижность всех суставов увеличивалась. Он начал играть в большой теннис, скакал на лошади и свободно поворачивал шею во все стороны – вопреки прогнозам специалистов о полной неподвижности его позвоночника.

Позже оказалось, что и учение индийского гуру утверждает: избавиться от большинства проблем со здоровьем можно легко и непринужденно – через хохот.

Эти факты поразили меня, – продолжал мой знакомый, – но у меня серьезных проблем со здоровьем не было, и эти знания отошли на второй план.

Но настал момент, когда на весь мир свалилась напасть – коронавирус. Лучшие биологи мира бросили все и занялись только этой проблемой. Разработки шли в двух направлениях: создание вакцины, предупреждающей заболевание, и препарата, который лечит уже больных. Получение надежных результатов могло занять не меньше года.

Я понимал, что полностью изолировать себя на все это время от контактов с людьми (среди которых могли встретиться и вирусоносители) было нереально. Постоянное ожидание симптомов заражения – это удовольствие ниже среднего, тем более что в случае заражения надежд выздороветь у меня крайне мало.

Прежде всего выяснилось, что старики умирали от коронавируса в десятки раз чаще, чем люди молодые и среднего

возраста – организм молодых борется с вирусом более эффективно. Я понимал, что дело в физиологических особенностях, но ведь известно, что с возрастом количество смеющихся резко уменьшается – и не только из-за болячек, но и ментальности. Так может, это одна из причин слабой сопротивляемости заболевших стариков?

И тогда я решил сделать еще один шаг – устранить любую информацию о старых людях. Я прекратил читать, слушать передачи и смотреть фильмы о них – ведь это непроизвольно приближало к их ментальности.

Теперь я стремился полностью изменить свое мироощущение, жить интересами молодежи. Я стал вести их онлайн-жизнь – концерты, тусовки и тому подобное. В соцсетях я зарегистрировался под вымышленным именем и в анкете омолодил себя на десятки лет, я размещал там посты, используя жаргон своих читателей. Постоянно быть в среде молодых и здоровых – это очень мощный антидепрессант.

Я начал ходить на спортплощадки и занимался на тренажерах рядом с молодыми – не так интенсивно, как они, но обязательно в их компании. Это были ощущения, которые я давно забыл. Я хорошо понимал, что они просто потешаются, глядя на меня, но мне это было до фени – я шел своей дорогой.

И постепенно я стал ощущать духовное омоложение. Это было сродни известным фактам, когда старые правители ложились на ночь с юными девушками для омоложения тела.

Конечно, и я бы не отказался от такой, но... выяснилось, что это уж очень дорого.

Мне стало интересно, насколько же действенны были мои усилия, и я пошел к врачу. Так вот: мое состояние настолько улучшилось, что доктор даже отменил некоторые свои назначения. А от виагры я отказал сам – теперь уже и без нее тонус настолько поднялся, что... ба-бу-бы. Но тут – как в известном анекдоте про льва в зоопарке: «Съесть-то он съест, да кто ж ему столько даст?».

Продолжая размышлять о других возможных средствах защиты от коронавируса, я вспомнил и про Нормана Казинса с его чудесным методом мобилизации сил организма с помощью смеха. Поразмыслив, я пришел к заключению, что, возможно, именно смех и есть та самая вакцина, предупреждающая заболевание – ну хотя бы до момента, когда ученые предложат что-то действенное. Ведь решение проблемы с помощью смеха не требовало вообще никаких затрат – и именно это делало его легкодоступным каждому.

Получается, что если «корона» – это вирус, то смех – это антивирус. И его полно в интернете. Бесплатно! Да только мы не используем его. Ну ладно, решил я, если пока не могу начать хохотать (это наше вечное «что скажут другие»), то улыбка-то наверняка не обезобразит мою внешность – куда уж больше.

Кроме того, исследования показали, что смех заразителен не менее коронавируса, и если способствовать распростра-

нению смеха до масштабов пандемии, то это может погасить любую напасть.

Вот это и был мой первый шаг к хохоту. На следующем этапе я начал использовать методику доктора Михаэля Титце, который старается всеми способами утрировать опасения, доводя их до полного абсурда или показывая комичность ситуации. Это приводило к пониманию несуразности своих опасений, благодаря чему я тоже научился смеяться уже над собственными проблемами.

Дальнейшее изучение выявило, что в Японии в лечении туберкулеза смех включен официально в состав комплексной терапии – легкие заполняются воздухом полнее. Смех освобождает пациента от застойных явлений – ведь у человека работают 80 групп мышц, происходит обогащение организма кислородом.

Так ведь это важно и при лечении коронавируса – не зря же больных подключают к аппарату искусственной вентиляции легких, даже несмотря на угрозу развития последующих осложнений. Так почему же врачи пренебрегают самой эффективной профилактикой заболевания – интенсивной смехотерапией?

В результате поиска единомышленников оказалось, что клубы смеха существуют во многих городах мира – в одном только Париже аж двадцать шесть! Первым порывом было найти или создать такой и у себя в городе, ведь совместный смех более эффективен, чем наедине. Но, поразмыслив, ре-

шил, что не надо во время пандемии идти в группу, а тем более в закрытое помещение. Ну что же, смеющийся старый волк-одиночка – это уже смешно.

Стали появляться опасения, что привыкание к этому сильнодействующему средству выродится у весельчаков в идиотский смех без причины, и кто-то может истолковать это как признак будущего чины. Но исследования на животных показали, что никто из них так и не рассмеялся – ни одна собака.

Пришлось вернуться к наблюдениям за людьми. При этом анализ подопечных психлечебниц показал, что никто из часто смеющихся пациентов не заболел коронавирусом, несмотря на контакты с теми, кто заразился.

Это вдохновляло, но не давало полного ответа. А проблема-то срочная! И тогда для тестирования стали набирать добровольцев из обычных граждан, и оказалось, что от желающих не было отбоя – как при всякой халяве.

И вдруг появилась информация: британские исследователи считают, что вакцину от COVID-19, возможно, не создадут никогда, и придется реагировать на вспышки заболевания с помощью карантинных мер. Дорогое мое забугорье, да что же вы ломитесь-то в открытую дверь – она уже давно распахнута, только вылезла за пределы микроскопа!

Я назвал эту вакцину «Смехулинам» («СМЕХ Удлиняет НАМ ЛИнию жизни»). Именно эта вакцина стимулирует организм к укреплению иммунитета – а уж он знает свое де-

ло. Ее универсальность заключается в том, что может применяться как для профилактики, так и для лечения уже заболевших.

Но есть и еще одна деталь, которая многократно усиливает эффективность этой вакцины: необходимо видеть вокруг веселые лица. И вот для этого я ношу не безликую маску от коронавируса, а разные: в виде смешных рожиц, мордочек животных, героев детских мультиков, нижнего белья, овощей и так далее. Еще не было человека, который не заулыбался бы, глядя на них. И вы даже не представляете, как приятно видеть вокруг улыбающихся.

Но и это не все. Уже потом я вычитал, что просто улыбки или хихиканье, безусловно, улучшают настроение, но не вызывает никакого физиологического эффекта – для этого нужен только настоящий хохот. И когда мои домашние впервые услышали его, они сначала подумали, что у меня просто поехала крыша, а вот сейчас... А сейчас они в этом убеждены окончательно – как и соседи по квартире. Но для меня уж лучше смешинка в рот, чем глотание лекарств.

Неожиданно оказалось, что вакцина «Смехулинам» имеет и побочный эффект – смерть от смеха, явление очень редкое. Длительный и неконтролируемый смех является причиной, например, остановки сердца. Что ж, я решил, что лучше помереть со смеху, чем от коронавируса.

Не скрою, все-таки я умудрился подцепить эту заразу, но

болезнь протекала в довольно легкой форме и выздоровел на удивление быстро – моя иммунная система справилась с этим легко, со смехом.

Жизнь – это окно с жалюзи, которое каждый регулирует сам. Закроешь его больше – останутся лишь узкие полоски светлого, и ты будешь думать, что жизнь почти беспросветная. Если же откроешь полностью, то темные полоски все равно останутся, но ты просто не будешь обращать на них внимание.

Статистика показала, что неулыбчивые люди заболевают в пи раза чаще, чем веселые (в 3,1415927). Жизнь несется с громким хохотом, но угрюмые люди этого не замечают.

Хочешь жить – умей смеяться!

* * *

Мой знакомый закончил свой удивительный рассказ, а я потом еще долго раздумывал над услышанным – и... уверовал в чудодейственную силу смеха. Все, вот прямо с понедельника и начинаю смеяться по любому мало-мальски подходящему поводу.

Так что если ты, читатель этих строк, увидишь на улице смеющегося человека в прикольной маске, то не отдаляйся от него, а тоже засмейся. И остальные обязательно присоединятся. Попробуй – и убедись в этом сам.

Спаси тебя Смех!

А если же ты пока еще не проникся необходимостью немедленного использования такого мощного средства, то могу только повторить слова священника из трагедии Пушкина «Пир во время чумы»:

Спаси тебя Господь!

Кто не вылечится, я не виноват!

Об авторах

Раиса Ивановна Снапковская. Город Кушва, Свердловская область. Школа корреспондентов на журфаке УрГУ. 41 год отработала на шахте на подъёмной машине. Внештатный корреспондент городской газеты с 1980 года. Печаталась в коллективных сборниках кушвинских авторов. Участник, победитель и лауреат нескольких региональных, всероссийских и международных литературных конкурсов в Серове, Екатеринбурге, Тюмени, Крыму. Издана аудиокнига по повести «Куриный бог». Повесть переведена на шрифт Брайля в г. Екатеринбурге для чтения слепых и слабовидящих.

Николай Виноградов. Литературой занимается около восьми лет. Бывший моряк, работал радистом на торговых судах, ныне пенсионер.

Любовь Федоровна Шубная – поэт, прозаик, переводчик, журналист. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза российских писателей, Союза журналистов России, творческого объединения детских авторов России «ДАР». Автор сборников поэзии и прозы, вышедших в России и Республике Беларусь. Публиковалась в газетах, журналах и альманахах России, Белоруссии, Украины, Германии, Болга-

риш. Победитель Международных конкурсов «Литературный Олимп» (Лига писателей Евразии), «Доброе слово» (Республика Беларусь), «Интеллигентный сезон» (Крым), лауреат и дипломант множества международных конкурсов. Живёт в селе Александровском Ставропольского края, работает редактором отдела районной газеты «Александровская жизнь».

Андрей Макаров. *Писать рассказы и повести начал только в 2020 году. На данный момент опубликован сборник рассказов «Подарок для любовницы» и весёлая сказка для взрослых «Иван-Дурак в командировке». В ближайших планах написать повесть о детях (по опыту своего детства) и роман-триллер с неожиданной и шокирующей концовкой. Страница Вконтакте: vk.com/maowriter, на Литрес: litres.ru/andrey-olegovich-makarov*

Татарчук Дарья, *родилась в городе Горловка (Украина), с 4-х лет жила в Саратове. Сейчас проживает в Москве. Литературным творчеством занимается с 6 лет, имеет авторский сборник стихов «Давай угоним лифт».*

Эдуард Нейбург. *Родился 1 апреля, и это предопределило мою родовую травму – склонность к юмору. Правда, жизнь показала, что это недёшево – себе дороже. По образованию – инженер-строитель, по обрезанию – русский, а по мен-*

тальности – приколист, и за это страдал нА раз и нЕ раз. Имею патологическую склонность к самоиронии, приводящую к самоубийству смехом – обычно в возрасте около 120 лет.

В периоды выхода из себя, пишу и серьезные произведения. Уже загрязнил окружающую среду двадцатью книгами – роман, повести, сборники рассказов. За это и был принят в Союз Русскоязычных Писателей Израиля – в качестве стойкого члена.

Постоянно засоряю Интернет своими размышлюхами – чтобы читателям жизнь не казалась медом.

Разработал методiku развития юмора у детей. Желющие поиздеваться над своими чадами могут найти ее в моей электронной книге «Шаг за шагом к... улыбке (для школьников)». Позже развить чувство юмора невозможно – легче родить другого.

Читайте первый выпуск проекта «Юмор лечит» на Литрес:

<https://www.litres.ru/aleksey-artemevich-artemev/korotkie-smeshnye-rasskazy-o-zhizni/>